

Юрий Ермаков

ТАЙНА ПОРФИРИЯ ИВАНОВА

*Роман-исследование
Роман-игра*

Юрий Ермаков

**Тайна Порфирия Иванова.
Роман-исследование. Роман-игра**

«Издательские решения»

Ермаков Ю.

Тайна Порфирия Иванова. Роман-исследование. Роман-игра /
Ю. Ермаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904839-4

Эта книга о Человеке, который преодолел свою низменную природу и вышел на уровень Бога. Он пришёл помирить Человека с Природой. Вот результаты оздоровления людей, занимающихся по системе П. К. Иванова. 1. 96% из них уже через год избавились от простудных заболеваний и отказались от приема лекарств. 2. У 80% значительно сократились периоды обострения хронических заболеваний, лечится даже рак груди. 3. Все 100% отказались от употребления алкоголя и курения.

ISBN 978-5-44-904839-4

© Ермаков Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к роману о П. К. Иванове	7
Часть I	10
В психушке	10
О зависимости	11
Дедушка Паршека	12
В психушке (продолжение)	15
О природе и зависимости	15
Смерть дедушки	17
В психушке (продолжение)	18
О религии. Закалка-тренировка	18
Кулачный бой	21
В психушке (продолжение)	23
Пророчество Ведуньи	23
Подвиги Паршека	25
В психушке (продолжение)	33
О Природе. О питании. О будущем	33
Ульяша	37
В психушке (продолжение)	42
О человеке. Об эволюции. Ведическая философия	42
Порфирий и море	45
Злоключения	47
В психушке (продолжение)	49
О природе и народе. О смерти и бессмертии. Про Библию.	49
О Вере	
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Тайна Порфирия Иванова

Роман-исследование. Роман-игра

Юрий Ермаков

120-летию со дня рождения

Порфирия Корнеевича Иванова посвящается

Дизайн обложки Арина Пахомова

Дизайн обложки Александр Ермаков

© Юрий Ермаков, 2018

ISBN 978-5-4490-4839-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Говорю вам тайну: не все мы умрём, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мёртвые воскреснут нетленными, а мы изменимся; ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, а смертному сему – облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечётся в нетление и смертное сие облечётся в бессмертие, тогда сбудется написанное»

(Исайя 25:8)

А я, Паршек, говорю, вдруг ничего не бывает, только сам человек может измениться, только **сознательная эволюция** сделает человека Человеком.

«Великие личности не созданы природой, а самостоятельно сделали себя тем, чем они были; они стали тем, чем хотели быть, и остались верными этому своему стремлению до конца жизни.»

Гегель

«Истинные Наставники человечества, которые создают сами себя, которые пишут сами себя, переворачивают всю землю только одним своим присутствием, потому что через них видны и слышны все цвета, все поэмы и все мелодии мира.

Человек, создающий самого себя, который сам пишет свою собственную книгу, делает гораздо больше для человечества, чем все библиотеки, все музеи и все шедевры искусства, потому что они мертвы, а он является живым!»

О. М. Айванхов (Михаил Иванов)

«Истинная ценность человека определяется тем, насколько он освободился от эгоизма и как он этого достиг.»

Альберт Эйнштейн

...Надо жить в Природе, а вся цивилизация – это обман...

...Если мы не изменим поток сознания на новый – наши дети нас изобьют...

П. К. Иванов

Здравствуйте!

Вы, наверняка, читали в детстве повесть Александра Грина «Блистающий мир». Какое впечатление произвёл Друд на людей в цирке и на площади, где показывали летающие аппараты! В цирке был ужас, на площади – восторг!

Сегодня очень трудно кого-либо чем-либо удивить. Все насмотрелись спецэффектов в кино, начитались фантастики, поэтому второе пришествие Христа или появление Будды вряд ли кого-то удивит, и они никак не смогут доказать, что они именно Христос и Будда. Да и нужно ли это – доказательство? Поэтому существование Джасмухин или Зинаиды Барановой, женщин, которые перешли на праническое питание, о котором мечтал П. К. Иванов, людьми встречается скептически, более того, многие уверены, что это обман. Не может человек обходиться без пищи и воды. Не может и всё тут! И появляются материалы, разоблачающие этих «праноедов». И очень мало людей действительно задумываются над этой проблемой всерьёз.

Я уверен, что книга, которую вы держите в руках или читаете на компьютере, вряд ли заинтересует большинство людей ни во что не верящих и существующих, а не живущих.

Эта книга предназначена живым людям; людям, которые проснулись и готовы изменять себя и своё тело в соответствии с требованием Времени. Это книга о Человеке, который всю свою жизнь отдал на то, чтобы показать пример и направление Эволюции Человека. Путь, который указал П. К. Иванов, лежит в направлении примирения с Природой. Путь этот не простой и не лёгкий, но Единственный. Поэтому книга и называется – Я пришёл помирить Человека с Природой. Кто на этот мир не способен, закройте книгу и не читайте её. Она вам не поможет – существовайте дальше.

А кто чувствует, что этот Путь, единственное что у нас осталось – читайте, вставайте на этот Путь и идите смело. Учитель вам поможет. Дорога открыта и открыл её наш русский Человек – Порфирий Корнеевич Иванов – Паршек!

В Путь и доброго вам здоровья!

Предисловие к роману о П. К. Иванове

«Причины противодействия системе Иванова очень глубоки: они уходят в глубину тысячелетий и в генетику самого человека, в личностное и даже в физическое состояние многих людей, которое можно охарактеризовать как неприродное, болезненное и конфликтное.» Так пишет Ю. Г. Иванов последователь Иванова Порфирия.

Очень расплывчатое определение – что значит «неприродное»? Тут нужно чётко и ясно сказать – технократическое. Только тогда, когда ясен основной конфликт, тогда определения становятся ясными. А основной конфликт состоит в борьбе Технократической и Биологической цивилизаций. Основное отличие Биологической цивилизации от Технократической состоит в том, что Биологическая цивилизация отвергает инженерные технологии воздействия на материю, пользуясь только духовно-энергетическим потенциалом самого человека. А если посмотреть с другой точки зрения, то это борьба Потребительской и Творческой цивилизаций. Всё, что создаёт Творческая цивилизация, Потребительская цивилизация считает своими ресурсами и пользуется ими.

Тогда возникает следующий вопрос: а для чего или для кого Творческая цивилизация всё это создаёт? А ответ очень интересен – ни для кого и ни для чего! Потому что для Творческой цивилизации главное – процесс созидания, во время которого она познаёт саму себя. Поэтому во многих мифах отражены эти процессы и существуют как Боги Созидатели, так и Боги Разрушители. И заметьте, что они не тождественны Добру и Злу. Это тоже самое, как дети строят песчаные замки на берегу. Их интересует процесс строительства, а набежавшая волна смывает их работу, но дети не впадают в отчаяние, а строят новый замок, лучше прежнего. Он им не нужен, как собственность, потому что дети прекрасно знают, что всё материальное временно. Так же и художник пишет картину не для того, чтобы её продать, а потому что так велит его душа, которая хочет Творить. Это уж потом приходят дяди и назначают цену этой картине. И многие художники, полотна которых сейчас стоят больших денег, умерли в нищете.

Итак, конфликт ясен. Так откуда же возникает Потребительская цивилизация, если Творец, как нам говорят, есть Свет и нет в нём никакой Тьмы? Тут, вероятно, надо рассмотреть вопрос о Времени. Когда процесс Творения разворачивается во Времени, то становится ясным, что есть Время Созидания, как говорят на востоке – время собирать камни, а есть Время Разрушения творения – время разбрасывать камни. И тогда становится ясно, что Потребительская или Технократическая цивилизация – это процесс разрушения и в это время действуют Боги Разрушения. Потом наступает время Созидания и действуют Боги Творчества. И кто же виноват, что нам повезло жить в эпоху Разрушения Мира?

Однако, и в эпоху Разрушения можно Творить, а в эпоху Творения – Разрушать. Это так же как при взаимодействии Инь и Янь, в Инь есть частица Янь, а в Янь есть частица Инь. Так и в эпоху Разрушения существуют Творцы, а в эпоху Творения – Разрушители. В конце концов это просто разные стороны одного и того же Живого Существа под названием Вселенная.

А теперь рассмотрим эти процессы с точки зрения превращения одних видов материи в другие. Тонкая материя уплотняется, превращается в грубую и этот процесс мы называем Созиданием, а грубая материя, разрушаясь, превращается в тонкую и этот процесс мы называем Разрушением.

Семечко попадает в землю и через некоторое время из него вырастает дерево – это удивительный процесс превращения тонкой материи в грубую, затем дерево срубают и отправляют в печку. Дерево превращается в огонь и тепло – тонкие материи. Всё это – естественные процессы! Трагизм ситуации придаёт человек, который, не зная о том, как устроен Мир, хочет продлить либо процесс Созидания, либо процесс Разрушения. И в том и другом случае возникает драма. Так же человек не может смириться со смертью, не зная о том, что смерти не суще-

ствуется, а есть только переход из одного качества материи в другой. Зацикленность мышления и желание какой-то стабильности, остановка нормального хода вещей: «Остановись мгновение, ты прекрасно!», вот где возникает драма, драма, человека, пожелавшего остановить мгновение, в то время, как закон Природы говорит о непрерывном Движении.

Конечно переходы от Созидания к Разрушению и наоборот не происходят механически. И те, и другие процессы проходят с помощью и через определённых, конкретных живых Людей. И наиболее драматичными становятся именно Поворотные моменты, когда привычное дело вдруг осознаётся, как нечто несуразное и человек, начинает искать дело, соответствующее конкретному Времени. Инициатором Поворотов конечно же является Творец, который находит среди Людей помощников и те начинают жить по другим правилам.

В этом и состоит заслуга П. К. Иванова, что он один из первых услышал призыв Творца и провозгласил о поворотном моменте.

Теперь об известной фразе: «Дохлая рыба плывёт по течению, а живая – против». Если Течение организовано Творцом, то плыть против течения глупо, поэтому эту фразу можно переписать так: «Умная рыба плывёт по Течению, а глупая – против». А куда плыть каждый человек выбирает сам, ибо ему дана свобода Воли.

И вот теперь мы переходим к проблеме возникновения болезни. Если рассматривать болезнь, как процесс разрушения организма, то становится ясным откуда берётся болезнь. Как только человек начинает участвовать тем или иным образом в процессе разрушения, то естественно в его организме начинаются эти процессы. Если же человек участвует в процессах созидания, то его организм остаётся здоровым и более того, этот организм участвует в процессе эволюции и таким образом усложняется, совершенствуется и приобретает новые, доселе невиданные, качества. Именно это мы и видим на примере П. К. Иванова и других людей, которых в наше время уже довольно много, таких как Джасмухин, Зинаида Баранова, которая, между прочим, тоже начинала работу над собой по системе П. К. Иванова и теперь полностью перешла на праническое питание, в то время, как Паршеку Природа говорила, что это делать рано. Значит теперь Время настало!

Итак, если человек хочет быть здоровым, ему надо перейти от разрушительной деятельности к созидательной. Любая созидательная, творческая деятельность – лучшее лекарство от всех болезней. Выяснить где идёт созидание, а где разрушение не так просто. Ясно, что, употребляя алкоголь, человек разрушает свой организм. Это легко, гораздо сложнее проанализировать свою деятельность, свою профессию, взаимоотношения с людьми, с природой. Абсолютно уверен, что люди тем или иным образом связанные с войной, обязательно приобретут разрушающие их организм болезни. О других профессиях подумайте сами.

Теперь немного о музыке. Вы, наверно, заметили, что музыка может быть Созидательной и Разрушительной. Уже все учёные уверенно утверждают, что тяжёлый рок – разрушительная музыка. Почему она появилась в наше время, а не сто или двести лет назад? А потому что наше время – это Пик, Кульминация процесса Разрушения, и поэтому именно сейчас появляются произведения искусства, разрушающие души и тела людей. Это Трагично, но естественно. После того, как этот мир будет разрушен, родится Новый Мир, появятся Новые Люди. Ростки этого Нового Мира уже появились в наше время. И П. К. Иванов – это человек Нового Мира. Сколько времени понадобится, чтобы разрушить этот мир и построить Новый неизвестно, во всяком случае, судя по тому, как яростно сейчас идёт разрушение, старый мир будет разрушен очень скоро. А вот как долго будет строиться Новый Мир зависит от того насколько быстро люди сообразят включиться в процесс строительства, но то что это будет, это точно.

Итак, вашему вниманию предлагается роман-исследование, основанный на фактах биографии П. К. Иванова с включением его прямой речи и речи воспоминаний о нём его сподвижников и учеников.

Внимание!

Вы, наверняка заметили, что в подзаголовке написано: роман-игра. Что это такое? Об этом вы узнаете в конце романа.

Часть I

В психушке

«Когда я был в психбольнице, то не принял их порядок. К кровожадным людям я попал и стал у них учиться. А сначала взял, да и отказался выполнять их порядок, а взялся за свою апрельскую закалку. Первый день прошёл, врачи не противостояли, а тут заведующий, Алмаз Резаевич в это дело вмешался, стал по-своему делать. Когда в кабинет свой зазвал после прогулки у Иванова и спросил:

– Ты знаешь, где ты находишься? Это психбольница и не просто, а спецбольница. Я тебя обстригу, да обрею. Ни на что не посмотрию.

Я, Иванов, и прикусил свой язык. Что поделаешь? Надо извиниться. И по-новому надо шагнуть, чтобы другие этого не делали. Моё одно выиграет! Я перед Алмазом извинился, признал свою ошибку, что других ставил вслед за собой бежать. А больным покажи дорогу, они лоб разобьют. Это люди зависимые – у них руки делают, а ноги носят. А у независимого человека Иванова ни на ногах, ни на плечах, ни на голове, а только трусы одне с ним встречаются и провожают. Дорога одна и богова она есть, но не людская – одно время пожить, а другое – умереть. Бог умирает, но за свой поступок умирать не будет. Прежде чем самого себя объявить богом, надо завоевать своё место в Природе, для того, чтобы Природа тебя не беспокоила нигде и никак. Я два месяца и два года 770 дней подготавливал, трудился практически и шёл против природы, против нехороших дней, не боялся. Я считал это время нехорошим, а шёл и думал про себя – лишь бы я был хороший человек природы. Самоволие не проявлял, убивать не собирался, воровать тоже не хотел. А любить Природу приходилось в любое время года. И весну, и лето, и осень, и зиму. Летняя пора проходит, наступает осень. Бог не боится осени, не хоронится от зимы. А люди прячутся – недолюбливают Природу. А раз недолюбливают, значит жизни нету. В Природе этого нема – есть одна для всей Природы любовь неумираемая. А я люблю, как бог, Природу, не боюсь её, не страшусь никого. Вот какие мои Природные дела.

Мы только молимся и просим у Бога, а вот сделаться им не хотим.»

(Справка: под шизофренией в медицине понимается психическое заболевание, при котором больной чаще всего имеет два узловых симптома – манию величия и бред преследования. Заболевание имеет прогрессирующий характер и обычно заканчивается шизофреническим слабоумием. Для шизофреников и шизоидов характерны размытость суждений и высокомерное выпячивание своих суждений как мирового открытия. Вопрос сбивающий с толку: откуда вы это знаете? Шизофреник не может на него ответить. Все они хотят одного – чтобы им беззаветно верили. Они не способны к научному анализу, логическим построениям и скрупулёзному сбору фактов; они руководствуются какими-то глубинными чувствами, которые у них возникают при встрече с чем-то необычным, и шизоиды искренне верят в правомерность своих чувств.

А может быть шизоиды – духовно более продвинутые люди? Любая эволюция имеет свои неудачи, свои корявости. Шизофреники и шизоиды являются такими «неудачами» эволюционного процесса развития духовного начала в человеке. У них и в самом деле существует духовное начало, но оно ущербное, не приносящее пользы. Эти «жертвы эволюции» способны чувствовать что-то глубинное, духовное, но они не могут осознать смысл и значение этого.)

Удивительные люди попадают в психбольницы и далеко не все из них действительно больны. Иногда они намного здоровей, чем те, кто их туда сажает. Вот с одним из обитате-

лей психбольницы и познакомился Порфирий Иванов. В своих воспоминаниях он называет его Философом (Ф). Будем и мы придерживаться этого имени. Времени, чтобы поговорить по душам, у них было предостаточно. Вот некоторые записи их бесед:

О зависимости

Ф. Итак, Порфирий, вы стремитесь к независимости. Вся ваша жизнь, как вы говорите, посвящена этой идее. Сначала вас, как бедного человека, угнетала зависимость от богатых. Революция освободила бедных от богатых, но принесла новую зависимость от диктатуры пролетариата, которая, как вы рассказывали, хотела заставить вас стать убийцей с револьвером. Вы отказались от этого, но зависимость осталась. Кстати, на каком основании вы отказались стать убийцей? Я считаю, что отказались вы потому, что зависимы от своей Совести. А можно ли избавиться от этой зависимости? Да сколько угодно существует на свете людей, которые преодолели эту зависимость. Далее ваша мысль пошла в сторону независимости от болезней. Вы посчитали, что, избавившись от этой зависимости, станете свободным человеком. Однако, избавившись от болезней, вы не избавились от людей, которые живут за счёт того, что люди болеют. Вот тут мы подходим к очень интересной теме – оказывается, человеческое общество существует благодаря тому, что люди **зависят** друг от друга и горе тому человеку, который хочет эту зависимость ликвидировать. Я, знаете ли, читал Карела Чапека, и он в одном из рассказов высказал интересную мысль. Иисус Христос накормил пятью хлебами тысячи человек и хлебопёки возмутились – он лишил их заработка. И, когда Пилат вопрошал: «Что сделать с этим праведником?» Хлебопёки первые кричали: «Распни его!» Я так думаю, что не молчали и лекари, которых возмущал метод лечения Иисуса, который даже платы за лечение не брал. И наверняка ещё многим он перешёл дорогу, не говоря о правителях. И вот теперь вы, Порфирий, хотите избавить человечество от смерти! Да знаете ли вы сколько зарабатывают гробовщики? Они первые придут и убьют вас без суда и следствия. Да вы просто Дон Кихот какой-то. Помните, как он освободил закованных цепью узников? И что они сделали в знак благодарности? Они побили его камнями. Вот так и вы, Порфирий, освобождаете человечество от оков, а оно вместо благодарности, побивает вас камнями. Успокойтесь! Если вы хотите освободиться от зависимостей, то освобождайтесь себе на здоровье, но человечеству это предлагать глупо!

П. К. Неужели людям приятно быть рабами? Они просто не знают, что они рабы, а когда узнают, то непременно захотят стать свободными. А на счёт Совести это ты верно заметил, Философ, вот от Совести я с удовольствием буду всегда зависим. Зависимость зависимости – рознь. Зависеть от высокого, человеку не стыдно, да и не зависимость это. Я так понимаю, что Совесть – это доверие Бога Человеку. Он мне доверяет и стараюсь оправдать его доверие. И становиться независимым я никого не заставляю, а прошу. Низко кланяюсь и прошу попросить хоть немного, но стать свободным от болезни, еды, одежды, крыши над головой. Я понимаю, как это не просто, моя независимость мне не с неба упала, я сам прошёл этот путь, своими босыми ногами. Нелёгкий этот путь, но «лучше умереть свободным, чем жить рабом» – так говорили наши предки. А я умирать не предлагаю, а предлагаю жить и жить долго – сколько хочешь. А знаешь, Философ, почему ты так раскипятился?

Ф. Почему?

П. К. Потому что у тебя внутри живёт Страх. Страх смерти. Он во всех людях живёт. И только тот, кто побеждает этот страх, становится независимым. Пусть он ещё боится холода, голода, но преодолев страх смерти, он уже вступил на Путь! И Путь этот – Путь к Богу!

После этого разговора Философ долго размышлял о словах Порфирия. Порфирий же, видя, что Философ мучительно обдумывает его слова, не приставал к нему. Да и не собирался он к нему приставать, ибо давно уже привык к тому, что люди к нему приставали, а не он к ним.

Дедушка Паршека

Дедушка Порфирия Корнеевича (Паршека) погиб на глазах внука в 1905 году, когда Паршеку было семь лет. Ему было 72 года, следовательно, он родился в 1833 году. А его дедушка, который рассказывал ему сказки про Ярилу, умер в 1842 году в возрасте 87 лет, то есть родился он аж в 1755 году. В те времена люди ещё помнили сказки о Яриле, тем более, что жители южных областей свято хранили наследие предков и на новую веру – христианство – особо падки не были. И сказка, которую так любил слушать Паршек в детстве дошла до него от прадедушки, а до того ещё от его прадедушки. Вот и получается, что Паршек слушал сказки чуть ли не от тех людей, что жили ещё в те времена, когда всё это происходило на самом деле, а уж потом обратилось в сказку. Много сказок рассказывал Паршеку дедушка, за что и был любим внуком, но особенно врезалась в память Паршека сказка о Яриле – боге Солнечном.

Зимний вечер. За окном гуляет вьюга, а Паршек с дедушкой на печке лежат, и дедушка ему сказки рассказывает.

– Полюбилася богу Велесу Дива дивная, что была супругой Перуновой. И пошёл тогда Велес на хитрость – обратился весенним ландышем. Дива же в ту пору весеннюю погулять по лесу вышла. Увидала она ландыш беленький, изумилась красоте его, запаху. Наклонилась она и понюхала, а потом ручкой белою сорвала тот ландыш-Велеса, положила на грудь свою белую. И как только это случилось, зачала Дива сына от Велеса. Пролетели денёчки весение, все цветы в плоды обратились. И пришла пора осенняя, урожаями богатая. Срок пришёл и Диве прекрасной от бремени разрешиться. И родился светлый Ярила – Солнца внук, сын Велеса с Дивой.

Под счастливой звездой родился Ярила! Славься Божьей Силой, светлый бог Ярила! Ты весенней силой полон! На головушке твоей венки из ландышей да подснежников. Весь ты в белых одеждах, да на белом коне златогривом. Ты босыми ногами коня понукаешь, да в чистое поле выезжаешь.

У Ярилы кудри качаются, скатным жемчугом рассыпаются. У Ярилы глаза голубые, бездонные, словно неба кусочек синего. Брови у него чёрна соболя.

Только взглянет Ярила на молодца – и любовью тот обуян, и без хмеля хмельён, и без пива пьян. Коли взглянет на красну девицу – та как маков цвет разрумянится, по любви её сердце мается.

Не спишь ещё, Паршек?

– Не сплю, дедушка, рассказывай дальше как Ярила спас от Чёрной Ламьи Ярину.

И дедушка, усмехнувшись в усы, рассказывает:

– Было ль это или не было, но старые люди сказывают: возгордились люди великим знанием, стали про богов забывать. Пошло в народе растление. А в народе говорят – жди великих перемен, коль завёлся в людях тлен. Сильно люди возгордились и пути их извратились. И вот наступили ужасные года – пришли великие воды!

От Хвангурских гор явилась Чёрная Ламия, извергающая из пасти пламя. И стала грозить Царьграду:

Для Сивы жертв не жалейте! На требушках кровушку лейте! Чтоб море от стен отступило и город не затопило!

И сколько в те годы скотины погибло, на требы всю скотину погубили, а море всё наступало. Уж нечего было в жертву принести.

А Чёрная Ламья опять летает и огонь извергает:

– Жертвуйте девушек мне невинных! Может тогда и отступит море!

Стали бросать тогда люди жребий и жребий пал на Ярину, дочь воеводы Царьграда.

Сбиралась Ярина скорёшенько, умывалась белёшенько. Венком главу украшала и к синему морю ступала. Там приковали её к скале цепью златою и оставили одну одинёшеньку. Яринушка цепью прикована плачет о судьбинушке своей горькой, плачет и причитает и мольбы свои к Вышнему посылает. Молит она о спасении.

Услышал Вышний моление и позвал Ярилу – бога весеннего, на помощь Ярине несчастной.

Явился тотчас Ярила на белом коне – золотая грива в огне. Узрел на скале Ярину – младую деву в цепях золотых. Она же едва держалась, силушки в ней совсем не осталось. Стал Ярила деву утешать, да на свирели играть. И как только он заиграл, то камень тот всколыхал – цепи золотые так и посыпались. Открыла глаза Ярина, слёзы в глазах её высохли.

– Спасибо тебе Ярила, что спас ты деву от гибели!

– Скажи мне, дева Ярина, где мне сыскать эту Ламию Чёрную, что разорение сеет всюду?

И отвечает Ярина:

– Скорее спасайся, милый! Ведь скоро Ламия Чёрная сама прилетит за мною.

Но бог успокоил Яринушку:

– А ты не бойся, Яринушка, младая ты чаровница! Ты любя мне, голубица! Тебя я не дам в обиду теперь никому на свете! Теперь же устал я с дороги, мне отдохнуть тут надо. Уздечку коня моего поддержи, да в море синее погляди, пока я посплю немного, сил наберусь перед боем. Как только волны взбушуют в море, ветер поднимется сильный, ты меня и разбудишь.

Сказал так Ярила, да и заснул сном богатырским. Яринушка рядом присела, да в синее море глядела. И вдруг всколыхалось море и ветер поднялся сильный. То летела с Хвангура Чёрная Ламия! Ярина в великом горе заплакала, зарыдала – будить Ярилу стала. Но тот всё спит, не проснётся, а сердце Ярины бьётся, слёзы текут горячие. Упала одна слезинка прямо на щёку Ярилы. От этой слезы жгучей проснулся, вскочил Ярила. Вздвинул коня златогривого и меч достал свой огненный.

Стал Ярила биться с Ламией Чёрной. Мечом своим огненным машет. Она же огнём отвечает. Никак одолеть не может Ярила ту Ламию Чёрную в этой безумной схватке.

– Послушай-ка, Чёрная Ламия! Не хватит ли пыхать пламенем? Ведь ты пшеницу спалила, что Жива прежде вырастила!

– Да, Живою выращена та пшеница, – отвечает Чёрная Ламия, – да только ту Живушку люди не почитали, венком её не венчали! Совсем возгордились люди, совсем богов позабыли!

Яринушка стала плакать, рыдать в горе великом. Стал Ярила её утешать, да на свирели играть.

И только дудочка заиграла, змея стала виться, кругами летая, плясала она под дудочку всё уставая и ослабевая... И вскоре силы она совсем лишилась, упала на камень и в клочья разбилась. Ярила свой меч золотой вынимает и чары с драконицы снимает. И Ламья сама словно ото сна очнулась, от чар Марены мечом спасённая Ярилиным, так возгласила:

– Ты славен будешь Ярила! И путь твой с молодой Яриной лежит теперь в светлый Ирий! Лишь море начнёт отступать, вы станете свадьбу играть.

И рёк Ярила Яринушке:

– Ступай со мной, голубинушка! Всевышний теперь даст нам новый завет – за тьмою кромешной воссияет Свет!

И взял Ярила Ярину за руку и повёл к Царьграду. А народ уже навстречу бежит, славу Яриле кричит.

Снарядили Яриле большой корабль, нагрузили его богатыми подарками, и поплыли Ярила с Яриной по морю, а потом среди звёзд и в скором времени оказались в Ирии. И там, в персветлом Ирии, женились Ярила с Яриной. Ярила – Солнце Красное, Яринушка – будто Месяц, сестрицы её – часты звёздуськи. И все на свадьбе на той плясали и молодых величали.

Дедушка закончил сказку, а Паршек уже спал и видел во сне, как Яриле славу поют и почитают младую Ярину. Личико Паршека светилось в темноте, будто он и сам был богом Ярилой.

В психушке (продолжение)

И вот через некоторое время Философ вновь обратился к Порфирию.

О природе и зависимости

Ф. Послушай, Порфирий, мне интересно, что ты скажешь об этом – знаешь такого философа – Гегеля?

П. К. Маркса читал, Энгельса читал, а вот Гегеля не приходилось.

Ф. Так вот слушай, что Гегель говорит: «Природа – это абсолютная идея в виде инобытия вообще, в виде безличностной, внешней предметности и конкретного, индивидуализированного осуществления своих моментов, т.е. абсолютное существо и становление природы – это становление духом.»

П. К. Вот кого надо в психбольницу сажать, так это твоего Гегеля. Уж очень он мудрёно про Природу говорит. Однако, здравая мысль и у него есть – Природа – это абсолютное существо, Природа есть наша мать, которая дарует нам Жизнь!

Ф. Таким образом, вы хотите сказать, что в сознании человека Природа обретает личностную реальность?

П. К. Вот, вот. Природа – она живая и неумирающая сущность, объединяющая нас, веков, в единое целое. Послушай, друг дорогой, наше тело состоит из огромного числа клеток. И все они живые и мыслящие. Так и люди – это клеточки Природы.

Ф. Смело, смело. Выходит, мы все в одном теле живём? Почему же мы воюем друг с другом?

П. К. Дак по неразумению. Кабы все знали, что они есть клеточки одного организма, то разве б воевали? Как можно воевать за свободу правого глаза от левого?

Ф. Абсурд.

П. К. И этот абсурд много тысячелетий длится.

Ф. Значит существуют силы, которым выгодно, чтобы люди воевали друг с другом?

П. К. Значит существуют, а может и нет. Да и воюют-то между собой тела, в которых разум ещё не проснулся. Всё дело в зависимости человека от еды. Когда её мало, то люди ополчаются друг на друга. От холода и от жары – кто-то живёт в тёплом доме, а кто-то мёрзнет на улице – опять раздор; от врага – у врага есть оружие, которым он вынуждает другого тоже браться за оружие; от болезни – один человек здоров, другой болен, больной обижается на здорового; от тяжёлого труда – один с утра до ночи спину гнёт, а другой лежит себе на пуховой перине и в ус не дует. А если телу ничего этого не надо будет, то и войны прекратятся.

Ф. Очень интересно вы рассуждаете. А вот природные стихии – ветер, наводнения, пожары?

П. К. И от них тоже человек зависим, а страшнее всего зависим от самого себя. Ведь я помню, руки на себя наложить хотел, потому что боли боялся. Не мог с собой справиться.

Ф. Да, победить себя – это проблема! Бороться с самим собой (с животным разумом), со своим невежеством и постепенно совершенствоваться, приобретая опыт быть Любящим Богом (Бог – это Любовь!) конечно же трудно. И что же делать?

П. К. Выходить из зависимости и учиться любить, любить по-настоящему, – другого пути нет.

Ф. И как же из этой зависимости выходить?

П. К. Экспериментальным путём. Пойти собственным телом и собственной душой и преодолеть эту зависимость.

Ф. На это не каждый решится.

П. К. Жить захочешь – решишься.

Ф. Значит, по-вашему, люди и жить не хотят?

П. К. По-настоящему не хотят. Существовать хотят, в прятки с Природой, да с собственной Совестью играть хотят, а Жить – не хотят. Мало Людей на Земле.

Ф. Да, помнится, ещё Диоген днём с фонарём ходил – Человека искал. Мне тоже приходило на ум, что соотношение пропорций захвата Природы человеком и его способности проникать в свой внутренний Мир сейчас далеко не в пользу последнего, поэтому общее поле мышления людей сейчас довлеет над отдельными представителями человечества, для которых внутренний мир человека является интегралом, а внешний – производной от него. Но, учитывая ваш опыт, я думаю сначала постепенно, а потом и лавинообразно, этот процесс познания Природы в самом себе всю социальную жизнь развернёт в иное русло. Сменяются ценности, упразднится обман, переосмыслится жизнь, уйдут болезни, а далее – смерть. И это будет происходить в осязаемом будущем. Я, как и вы, тоже Маркса изучал и запомнились мне такие его слова: «Воздействуя на окружающий мир и изменяя его, человек в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил собственной власти».

П. К. Полностью с Марксом согласен.

Ф. Однако, к сожалению, человек не в ту сторону «изменяет свою природу» и совсем не «развивает дремлющие в ней силы», как вы, Порфирий Корнеевич. Плохо люди Маркса читают, но вы действительно прямо по Марксу действуете. Хорошо бы было, чтобы и другие тоже пошли по этому пути.

П. К. Так оно и будет. Всё верно ты сказал, Философ. Ну что, пойдём холодной водичкой обольёмся? Только, если тебя спросят, то скажешь, что сам захотел после прочтения Маркса, а то Алмаз опять на меня подумает.

Ф. Это вы пока без меня. Я ещё не готов.

П. К. Ну готовься, готовься. Маркс он тоже теоретиком был, а я – практик.

Порфирий пошёл совершать свои процедуры, а Философ ещё долго размышлял о том, что ему открылось в разговоре с этим удивительным человеком. И тысяча новых вопросов роились в его голове.

Смерть дедушки

Паршеку было тогда лет семь, но он на всю жизнь запомнил свои ощущения и мысли по этому поводу.

Стояла жаркая погода – время сенокоса. Убирать сено вышли всей семьёй. Маленькому Паршеку тоже дали грабли, и он с удовольствием сгребал скошенное сено в небольшие стожки, а взрослые подхватывали эти стожки на вилы и бросали на большой стог.

На самом верху этого большого стога работал дедушка. Он никому не доверял укладку стога, потому что стог должен был простоять до зимы, а то и всю зиму. А если стог сложен плохо, то его быстро растреплют ветра и коровам нечего будет есть зимой. Корова – она кор-милица, если корове нечего кушать, то и люди могут умереть с голода.

Паршек в свои семь лет это прекрасно понимал, поэтому старался не показывать виду, что устал, а продолжал сгребать пахучее сено.

Все так увлеклись работой, что не заметили, как на горизонте появилась чёрная туча. Дедушка, поскольку он был выше всех, первым заметил грозу.

– Едрёна корень, – только и сказал он.

Все посмотрели в сторону тучи и работа остановилась.

– Чего встали? – крикнул дедушка, – надо до дождя успеть. Шевелитесь!

Все дружно принялись за работу. Пучки сена взлетали в воздух и опускались на большой стог, дедушка ловко укладывал сено и стог поднимался всё выше и выше.

Послышались дальние раскаты грома, на горизонте сверкали молнии. Туча с большой скоростью приближалась к работникам. Подул ветер и через некоторое время он уже начал превращаться в хороший ураган.

– Слезай, дед, – крикнул Корней, отец Паршека.

– Ещё чуток погожу, – ответил дедушка.

– Слезай, сдует! – опять крикнул Корней, но дед упрямо продолжал укладывать сено.

Ветер набрал силу и огромный стог сена, на котором стоял дедушка, как лёгкое пёрышко взлетел в воздух. Дедушка хотел лечь на стог, но было уже поздно – мощный вихрь поднял стог в воздух, и стог, несколько раз перевернувшись в воздухе, рассыпался на мелкие клочки, а дедушку тоже несколько раз перевернуло и бросило на землю.

Всё это видел Паршек из-под маминой руки, которая прижимала его к земле – как только ветер усилился, мать подбежала к Паршеку, повалила его на землю и легла сверху.

Туча уже висела прямо над ними. Полил сильный дождь, но мать и не думала вставать. Она закрывала своим телом Паршека и от дождя. Она знала, что такие сильные дожди идут не долго. Так и случилось. Скоро дождь кончился и все побежали к дедушке.

Он лежал на земле неловко подвернув левую руку под спину. Лицо его было синим как видно от удара об землю. Глаза закрыты, а в волосах запутались травинки. Он не дышал. Корней опустился к нему и приложил ухо к груди, потом встал, отвернулся и утёр рукавом набежавшие слёзы. Дедушка был мёртв.

Паршек было бросился к дедушке, но мать удержала его.

– Почему дедушка не встаёт? Почему не шевелится? Почему не ругается? – проносились в голове Паршека вопросы, потом до него дошло, что его любимого дедушки больше нет, что дедушка больше не встанет, не расскажет ему перед сном сказку про Ярилу. Паршек заплакал от горя и обиды. Мать погладила его по головке и прижала к себе. Сказать ей было нечего.

Прошло много лет, но Паршек, вспоминая этот случай, понимал, что именно тогда у него вместе с горем и страхом зародилось и загорелось зёрнышко идеи необходимости познания Природы и самозащиты от неё.

В психушке (продолжение)

Прошло несколько дней и Философу снова выпала возможность поговорить с Порфирием, который очень много времени уделял своим братьям по заключению. Некоторые добровольно начали обливаться холодной водой и ласково здороваться с надзирателями, особенно с Никитичем – самым строгим из них.

О религии. Закалка-тренировка

Ф. Порфирий Корнеевич, а как вы относитесь к религии? Я вот, например, атеист. События последних лет твёрдо уверили меня в отсутствии какой-либо высшей силы и власти, попускающей то, что творится в нашей стране. Во многом я согласен с Лениным.

П. К. Хорошо, что ты от этого свободен.

Ф. Вот вы рассказывали, что Паулюс дал вам документ, в котором написано, что вы – Русский Бог или Бог Земли – так называют вас люди.

П. К. Не важно кто я, важно кто во мне.

Ф. Поясните, пожалуйста, что вы под этим понимаете.

П. К. Если смотреть на человека, который победил Природу, то можно назвать его Богом. Каждый человек может стать Богом. Тело моё испытывает огромные мучения и беды, а дух мой этому только радуется. Не тому, что тело страдает, а тому, что ему удаётся преодолевать эти испытания. Меня ведь никто не заставляет идти в морозную ночь в поле или под воду на многие часы. Я сам себе даю задания, выполняю их, а потом делаю выводы.

Ф. Выходит, что внутри вас живёт дух, который ставит эксперименты над вашим телом? Таким образом ваше Я не отождествляется с телом, как у многих людей?

П. К. Выходит так – Я внутри меня, а не снаружи. Что же касается Бога... если из моего учения сделают религию, как это сделали из учения Христа, то дело моё пропало и жизнь моя прожита зря.

Ф. Так вы считаете, что Иисус Христос тоже не создавал религии?

П. К. Он показал пример – как надо жить и делать, что говоришь. А его «ученики» да жида превратили его пример в религию, да ещё всё что он говорил переврали.

Ф. Интересно, а какие именно слова они переврали?

П. К. Да вот возьми хотя бы слова о том, что «если тебя ударили по правой щеке, то подставляй левую».

Ф. А как же Христос говорил?

П. К. А говорил он так: «Если ты повёл себя так, что позволил ударить себя по правой щеке, то тебе ничего не остаётся делать, как подставлять левую!»

Ф. Очень занятно! Откуда же вам известно, что именно говорил Христос?

П. К. Сердце подсказывает, когда читаешь эту галиматью под названием «Евангелие». Я ещё когда в школе учился, то многому удивлялся, читая эту книжонку. Потом, как и вы, атеистом был – читал и Маркса, и Энгельса и с Лениным во многом сходился. Я ведь до 35-ти лет был как все. А вот 25 апреля 1933 года со мной встретилась такая мысль, какой ещё не было в Природе: почему люди так устроены, что лишь полжизни у них проходит в благополучии – пока молоды, а достигли зрелости, казалось бы, жить да жить на пользу другим, но не тут-то было – наваливаются на человека болезни, делают его неполноценным, заставляют больше думать не о деле, ради которого он пришёл на Землю, а о себе. Болезни делают человека эгоистом. Не от того ли многие беды людские происходят, что человек не умеет победить свою немощь? Сколько не кутайся, всё рано это не спасёт от недугов.

Ф. Да, да, полностью с вами согласен. Уж больно мы своё тело балуем и теплом, и сытной пищей, а уж про женщин я и не говорю, особенно тех, что в городах живут.

П. К. И подумал я – а что если сделать наоборот: не прятаться от Природы, а пойти ей навстречу, стать ближе к Природе, слиться с ней!

Ф. Гениально! Но как это осуществить на деле? Не всякий пойдёт и выльет себе на голову ведро холодной воды, как это делаете вы, уважаемый.

П. К. Конечно, по началу страшновато было, но потом... Вот у меня случай был – зуб заболел. Силы нет терпеть. Лежу на печке и вою. А потом подумал: а что если пойти навстречу боли! И пошёл, иду, боль усиливается, как против ветра – чем быстрее идёшь, тем сильнее он тебя в грудь толкает. Уже готов был назад повернуть, как вдруг раздаётся хлопок – будто-то что-то лопнуло. И боли как не бывало! И с тех пор зубы не болят.

Ф. Потрясающе, я бы так не смог.

П. К. Жизнь припрёт – сможешь.

Ф. Возможно, но всё-таки в чём же суть вашей, как вы говорите, закалки-тренировки?

П. К. А вот в чём – размягчаясь в тёплых изнеженных сторонах человеческой жизни, я сознательно меняю их на суровые качества и благодаря постоянной практике всегда чувствую нужный момент перехода. Это же в нашей, русской, традиции – пропарился в парной, а потом – в прорубь! Такая закалка не даёт возможности созреть и растечься по организму болезням, которые одолевают человека в тепличных условиях, – состояние сходное с закалкой стали. Поэтому я не болею и не простуживаюсь, имею крепкое сердце, ясное сознание. Это моё здоровье, которое я приобрёл благодаря постоянной практике в Природе. Такая практика на многое раскрыла мне глаза, обогатила и развила моё сознание.

Ф. И какой отсюда вывод? Что все должны идти вашим путём?

П. К. Один из выводов такой – мы, люди, зачастую сами виноваты в том, что теряем своё здоровье из-за неразумной жизни, хотим только тёплого и хорошего, а от плохого и холодного бежим, прячемся. Закаляться не хотим, находимся постоянно в тёплом, разжиженном состоянии. В результате по нашему организму растекаются болезни, здоровье идёт на убыль, сердце слабеет, сознание угасает, наступает безволие.

Ф. А как же медицина, которая радеет о нашем здоровье?

П. К. Если бы она радела о нашем здоровье, то все бы были давно здоровы. Никакие таблетки здесь не помогут, так как организм человека напоминает стоячее болото. И никакие искусственные физические упражнения без крепкой естественной природной закалки не в силах разогнать это болото, а дальше ещё хуже и хуже, и в результате всё больше и больше больниц... Слово-то какое – больница! Раньше это место называлось здравница, а теперь – больница, то есть там, где больные, а о здоровье и речи нет!

Ф. Это вы верно подметили, я как-то не задумывался над этим названием. Да ведь и работают в больницах врачи, а раньше целители были, знахари. Врачи – это что? От слова «врать» что ли получается?

П. К. Вот и я говорю – получается заколдованный круг.

Ф. Так что же делать?

П. К. У людей должно расти сознание на своё здоровье. Кто же будет радеть о твоём здоровье, кроме тебя? Какой врач войдёт в твои проблемы? У него своих проблем выше крыши. Здоровье – это твоя высшая драгоценность и не только твоя, но и всего нашего общества. Ты болеешь,водишь своих товарищей по работе, напрягаешь родных тебе людей. Только бесовский человек может позволить себе болеть, то есть быть в тягость обществу. А врачи и рады! Они постоянно разглядывают и изучают болезни на человеке. Конгрессы и конгрессы по болезням. Всё новые и новые лекарства, всё новые и новые болезни, и этому уже, очевидно, никогда не будет конца.

Ф. Так вы же говорили о сознании.

П. К. Вот именно – этому не будет конца, если мы не изменим поток нашего сознания, связанный с оправданием роста числа болезней, как неизбежного зла современной цивилизации, и не встанем на путь восстановления здоровья максимально простыми и одновременно наиболее эффективными средствами самой Природы.

Ф. И что же это за средства такие?

Спросил Философ и зашёлся в сильном кашле.

П. К. Это природная закалка. Всё, Философ, пора приниматься за дело. Пойдём, если хочешь, я тебя приму. Только ты сам меня попросить должен, я тебя насильно лечить не могу.

Ф. (прокашлявшись.) Теперь, кажется, я готов. Пойдём, Учитель, дай мне здоровья, а то в этих казематах и до свободы не доживёшь.

П. К. Вот так бы давно. Пойдём, Философ, навстречу здоровой жизни! Сегодня я тебя оболью, а завтра сам начнёшь всё это делать и потихоньку вернёшь себе своё здоровье.

И они вышли на двор, и Порфирий вылил на голову Философа ведро ледяной воды, а потом, уже в помещении, Порфирий положил Философа на скамейку и приложил одну руку к голове, а другую к ногам Философа – пропустил, как он выразился, «магнето». И когда это «магнето» прошибло Философа, а ощущение было действительно такое, будто от макушки до пяток прошёл электроразряд, что Философ на секунду даже сознание потерял, но потом, когда пришёл в себя, ощутил во всём теле необычайное тепло и лёгкость. Он открыл глаза и увидел грязный потолок, но этот грязный потолок показался ему великим произведением искусства, которое напомнило ему о бесконечности вселенной!

Философ сел на лавку рядом с Порфирием и заплакал. Порфирий обнял его, как маленького ребёнка, а потом погладил по голове и сказал:

– Поплачь, поплачь, детка, это поможет.

Тут появился Никитич и велел расходиться по палатам. Порфирий хотел было попросить Никитича погодить, но тот показал ему кулак, и Порфирий попрощался с Философом. Когда Философ ушёл, Порфирий тоже показал свой кулак Никитичу, а потом пошёл в свою палату и стал писать свои воспоминания и размышления о жизни.

Кулачный бой

Паршек запомнил этот день на всю жизнь и с тех пор никогда ни на кого руку не поднимал. Зарок себе дал. Случилось, правда, один раз сорваться – играл с сыном дома, возились ради потехи, а сын нечаянно и сшиб рамку с его портретом. Рамка разбилась – стёкла брызнули. Не сдержался Порфирий и дал сыну подзатыльник, но тут же опомнился – достал из кармана 25 рублей и стал сына утешать да прощения просить. И больше за всю жизнь ни разу не срывался, хотя были моменты и с женой, и с друзьями, когда нужно было пустить в ход кулаки, но Порфирий всегда вовремя осаживал себя – «Нельзя! Зарок помнишь?» – говорил он сам себе и тут же остывал. А зарок этот он дал вот в какой ситуации.

Было это как раз в год начала первой мировой войны, на Масленицу. Как всегда, главным развлечением ребят были кулачки – кулачный бой, а Порфирий уже третий год был атаманом. И уже два года подряд его ватага побеждала противника. Все ждали – как будет на этот раз. Атаманом его выбрали не только за большой рост и силу, но и за ум. Умел он грамотно расставить бойцов и объяснить тактику боя. Башковитый – говорили про него. В его ватаге были, в основном, шахтёрские ребята и молодые мужики – крепкие, выносливые, не один год проработавшие в шахте и силушкой их Бог не обидел.

Ещё со вчерашнего дня было расчищено и размечено поле. Народу поболеть за своих набралось много. Против шахтёрских выступали городские – извозчики, носильщики, мастера и другие желающие показать свою удаль. На этот раз получилось – полсотни на полсотни. Славный должен быть бой, да и природа в этот день благоволила – светило весеннее солнышко и ветра почти не было.

Ватаги выстроились друг против дружки, и судья дал сигнал сходиться. Побежали и началась битва. Порфирий перед боем дал команду – в первой стычке особо сил не тратить, а стараться стенкой задавить противника и постараться вытеснить его за потылье. Так его ребята и сделали – особо кулаками не махали, больше уворачивались от ударов, но строя не теряли и шаг за шагом теснили противника. Те сообразили, что так можно быстро выдохнуться, и их атаман крикнул: «Надёжа!» Цепь расступилась и «надёжа», который был в тылу, с разбега врезался в ватагу шахтёров. Был этот малый огромного роста и веса – разорвал цепь шахтёров. Однако, те не растерялись и лишь несколько городских успели проскочить вслед за «надёжей». Шахтёрская цепь сомкнулась, а «надёжа» и ещё несколько городских оказались в кольце шахтёров. И против «надёжи» уже стоял Порфирий-атаман, который тут же произвёл «укол оружием» прямо в лоб «надёжи». Тот, однако, устоял на ногах, хотя на мгновение потерял ориентацию, тогда Порфирий другой рукой ударил под микитки. Дыхание у «надёжи» сбилось, и он согнулся пополам, и Порфирий рубящим ударом опустил свой кулак правой руки на затылок «надёжи». Тот упал в снег лицом и дрыгнул ногами. Все, кто был рядом, видели, что «надёжа» лежит и не шевелится. Судья сунул два пальца в рот и свистнул. Бой замер. Все расступились, и судья подбежал к «надёже», перевернул его на спину. Рядом на снегу расплылось пятно крови. Судья прислонил ухо к груди «надёжи», послушал, потом поднялся и сказал: «Живой!» Все выдохнули, а Порфирий стоял в столбняке. Он сам не понял, как это у него получилось – сбить такого громилу. Кто-то из зрителей крикнул: «Закладка!» И все кругом тоже заорали: «Закладка, закладка!»

Судья подошёл к Порфирию и осмотрел его руки – закладки не было.

– Нету закладки, – крикнул судья, – тащите носилки. И извозчика – быстро!

Порфирий, как во сне, схватился за носилки, и вместе с напарником они отнесли мужика на извозчика. Тут же откуда ни возьмись появился городской и велел Порфирию ехать вместе с «надёжей».

– Если помрёт – я тебя в Сибирь закатаю, – шипел городской.

В больнице Порфирий долго сидел в коридоре и ждал приговора. Вышел доктор в белом халате, испачканном кровью, сказал коротко:

– Жить будет.

У Порфирия гора свалилась с плеч. Городовой погрозил ему кулаком, и Порфирий пошёл на улицу. Он вышел из больницы и пока шёл домой всё время твердил про себя:

– Больше никаких кулаков, никогда, никому.

На следующий день Порфирий купил апельсинов и пошёл навестить «надёжу». Тот лежал на койке и заулыбался, когда Порфирий подал ему апельсины.

– Ты уж прости меня, Николай (так звали «надёжу»), я не нарочно.

– Да ладно, до свадьбы заживёт, – простодушно ответил Николай и они пожали друг другу руки.

Этот урок он запомнил на всю жизнь.

В психушке (продолжение)

Пророчество Ведуньи

Было в психбольнице и женское отделение. Мужчин туда не пускали, но Никитич, после того как проникся к Порфирию полным уважением, рассказал Порфирию об одной странной женщине, которая часто беседовала с невидимым собеседником. Беседы её были трудно понять, они больше походили на бред сумасшедшей, но иногда Никитич улавливал какой-то смысл. Рассказал он об этой женщине Порфирию в надежде, что тому удастся что-то понять из её бреда, а для этого он тайно провёл Порфирия на женскую половину переодев его в женский халат. Они приблизились к женщине, и Порфирий услышал:

«Никогда не спеши обращать своё знание в трубный глас: для одного – это солнечный свет, для другого – грозное оружие. Встретившись в жизни с чёрной силой, мешающей тебе жить, не искореняй её, а посмотри на себя её глазами в кривое зеркало, найди в себе то, что привлекло её к тебе, за что она может тебя ухватить и чем держать, и скажи себе: „Сила разума помогла мне найти в себе грязь и уродство, сила духа поможет мне преодолеть и исправить себя, сила любви не даст прорасти во мне злобе, ненависти, мстительности и суеверию“. И увидишь в себе не букашку – исполина. Живи дольше.»

Женщина помолчала, потом посмотрела на Порфирия и, глядя ему в глаза, произнесла: «Есть ещё вопросы?»

– Нет, – ошеломлённо ответил Порфирий и они с Никитичем покинули женское отделение.

Вернувшись в свою палату, Порфирий взял свою тетрадь и записал:

«В каком бы месте ни жил человек, он должен чувствовать себя СМЕЛО и РАДОСТНО и любить нашу МАТЬ-РОДИНУ. Любовь соединяет и питает жизнь, а страх, отвращение и ненависть вырывают человека из жизни, как цветок их земли.»

Когда Философ узнал о том, что Порфирий побывал на женской половине и встретился там с удивительной женщиной-прорицательницей, то он попросил Никитича тоже отвести его к ней. Никитич выполнил его просьбу.

– Только не долго, – сказал Никитич и встал на стрёме.

Философ приблизился к женщине. Она даже не посмотрела на него, но тут же заговорила:

– Ты много занимаешься развитием своей материи мысли. Ты мало обращаешь внимания на совершенствование своей физической материи биологической формы проявления твоей личности на данном этапе поля времени твоей жизни. Контроль и регуляция собственного здоровья – немаловажное условие для успешного решения главной задачи.

Женщина замолчала. Философ ждал, но она больше ничего не сказала. Казалось она заснула. Никитич поторопил Философа и тот быстро пошёл за ним на свою половину.

П. К. Ну что, Философ, получил ценные мысли?

Ф. Получил. Завтра сам начну заниматься своим здоровьем по вашей системе.

Дело в том, что после первого обливания Философ начал колебаться. А его ли это путь, а может быть можно как-то по-другому обрести здоровье? Такие мысли мучали Философа. Да, ощущение было чудесное, но делать это каждый день, да ещё утром и вечером было лень и страшно. И вот пророчица вернула его к мысли, что всё-таки надо продолжать, раз начал.

П. К. А почему завтра, а не сегодня?

Ф. Хорошо, сегодня.

П. К. Тогда пойдём.

Ф. Пойдёмте, только сначала несколько вопросов, – Философ специально оттягивал время. Страх холодной воды ещё держал его.

П. К. Хорошо. Спрашивай.

Ф. Я хотел спросить о Свободе. Что такое по-вашему – свобода? И как это связано с вашей идеей о независимости?

П. К. Так ты же Маркса читал, а Маркс пишет, что Свобода – это осознанная необходимость, а я бы ещё добавил: осознанная необходимость творить добро.

Ф. Хорошо, что такое Добро?

П. К. Добро – это то, что делает человека чище, выше и светлее.

Ф. А, это как Чехов говорил: в человеке всё должно быть прекрасно – и душа, и тело, и мысли.

П. К. Вот-вот, правильно Чехов говорил. Ещё вопросы есть?

Ф. Пока нет, – Философ понял, что назад дороги нет.

П. К. Тогда пойдем, Философ, прочистим наше тело, душу и мысли.

И они снова вышли на двор и приняли по три ведра холодной воды, а потом пробежали по десять кругов, и Философ старался не отставать от Учителя. Сегодня он победил Страх, и даже получил огромное удовольствие и сам себя зауважал. Потом разошлись по палатам. Порфирий почему-то вспомнил о том, как он партизанил в гражданскую.

Подвиги Паршека

– Стройся! – раздался голос командира, и все бойцы партизанского отряда побежали на построение.

Командовал партизанским отрядом профессиональный военный, бывший штабс-капитан царских войск, поэтому дисциплина в отряде была, как в регулярных войсках. Многие партизаны ворчали по этому поводу, но понимали, что без воинской дисциплины много не навоюешь. Были случаи открытого неподчинения, но все они плохо кончились, поэтому, те кто остался ещё в живых, дисциплину уважали.

Строились по росту и Паршек стоял первым, потому что выше его в отряде была только дозорная вышка.

– Равняйся! Смирно! – продолжал командовать штабс-капитан. – Слушайте приказ!

Все замерли.

– За проявленную смелость и смекалку при подрыве железнодорожного моста, объявляю благодарность следующим товарищам: Абрамову Александру, – шаг вперёд! Васильеву Константину, Животову Ивану, Иванову Порфирию и Корнееву Михаилу. Поздравляю!

– Служим трудовому народу! – гаркнули партизаны и все закричали Ура!

– Вольно! Разойтись! – скомандовал командир и все пошли по своим делам – кто чистил винтовку, кто латал порвавшуюся одежду. Паршек прилёг на землю около дерева и закрыл глаза. Он вновь увидел, как рухнули в реку пролёты моста, как вагоны, наезжая один на другой, тоже попадали в воду.

– Куревом не богат? – спросил Сашка Абрамов и толкнул Порфирия в бок.

– Нету, – ответил Порфирий.

– Хошь бы куревом наградили за такие подвиги, а то – «объявляю благодарность»! А куда я твою «благодарность» повешу? – продолжал Сашка и грязно выругался.

– А ты у командира попроси, – посоветовал Порфирий, – у него, поди, папиросы есть.

– Есть-то есть, да не про нашу честь.

– Ну тогда терпи. Скоро на вылазку пойдём, может и добудем курева.

– Может и добудем, а может уж некому и курить будет, коли убьют.

– Да, тогда уж не до курева будет, – согласился Порфирий.

– Иванов, Абрамов – к командиру! – услышали Порфирий с Сашкой и поднялись с земли.

Когда Сашка с Порфирием прибыли в землянку командира, Иван и Костя уже были там. Командир кратко изложил суть нового задания. Нужно было пробраться в тыл белых и уничтожить как можно больше аэропланов. Разведчики доложили, что поле, с которого взлетают аэропланы находится в 25-ти верстах на запад от расположения лагеря партизан. Расположение на карте капитан показал карандашом. Чтобы туда добраться, нужно было преодолеть две речки. Сашка крикнул, но сделал вид, что закашлялся. В населённые пункты заходить командир строжайше запретил. Кроме взрывчатки командир велел взять побольше разрывных патронов. Аэропланы лучше всего минировать и взрывать на земле, но при необходимости, можно стрелять по взлетающему, но целиться лучше в пилота. Командиром группы капитан назначил Порфирия. Животов Иван, который в прошлой вылазке был командиром, обиделся, но ничего не сказал, однако, капитан заметил это и сказал Ивану:

– Ты, Иван, уже побывал командиром и это у тебя хорошо получилось, молодец, но все вы тут только обучаетесь военному делу, поэтому теперь настала очередь Порфирия. Справись?

– А то нет, – отвечал Порфирий.

– Главное, держитесь друг за друга и помогай вам Бог!

– Бога нет, – сказал Сашка.

– Тогда удачи вам, выполняйте! – закончил командир и вся группа вышла наверх.

Загрузились взрывчаткой, взяли еды на трое суток, не забыли и про разрывные патроны.

– Сейчас всем спать, – велел Порфирий, – утром разбужу чуть свет.

Все спустились в свою землянку и через полчаса из землянки уже раздавался богатырский храп Кости, остальные спали тихо.

Чуть свет Порфирий разбудил товарищей, и они отправились в путь. За день им предстояло одолеть вёрст двадцать. Шли без отдыха часа два, потом сделали привал, перекусили немного и снова пошли. Через два часа снова устроили привал. На этот раз поели более основательно. Ещё через час пути дошли до первой речки. Стали искать брод, но брода не было. Речка была хоть и не широкая, но довольно глубокая. Что делать? Вплавь с таким грузом не переплывёшь. Нужно делать плот. И вдруг Сашка увидел вдалеке коров.

– Смотрите, коровы! – он указал на ту сторону реки, – если пойдут через реку, то там и брод.

– Подождём, посмотрим, – решил Порфирий.

Сбросили груз на землю, стали ждать. Коровы приближались к реке.

– Ложись, – велел Порфирий.

Все залегли, а Порфирий чуть приподнялся и стал наблюдать. Коровы подошли к реке и стали пить. Одна корова зашла по брюхо в воду, но совсем недалеко от берега, что показывало большую глубину реки. Показался пастух на лошади, он щёлкнул кнутом и всё стадо начало переправляться на другой берег. Самое глубокое место коровы переплывали, но место это было совсем не широкое – метров десять. Пастух перегнал последнюю корову и всё стадо удалилось от берега.

Порфирий поднял ребят, и они отправились к броду. Первым пошёл Порфирий – сначала налегке. Самое глубокое место ему было по грудь, значит Сашке – по шейку. Годится! Порфирий велел Ивану, который был чуть пониже его, становиться в цепь. Костя сам сообразил и пошёл вперёд к другому берегу. Сашка подавал котомки. Иван принял первую котомку и передал её Порфирию, тот передал её Косте. Костя отнёс котомку на берег и вернулся на место. Так они перетаскивали весь груз и оружие. Осталось переправиться только Сашке. Он пошёл и, когда вода была ему по горло, вдруг оступился и с головой ушёл под воду. Иван, который был ближе всех к Сашке, тут же нырнул и, поймав Сашку за ворот, вытащил его на поверхность. Подскочил Порфирий и они вдвоём с Иваном вытащили Сашку на берег. Сашка кашлял и хлопал глазами.

– Ты чего, плавать не умеешь? – спросил Костя, когда Сашка откашлялся.

– Умею, – сказал Сашка, – как топор.

Все рассмеялись.

– Предупреждать надо, – строго сказал Порфирий.

– Так если бы я сказал, то вы бы меня не взяли, – огрызнулся Сашка.

– Дай Бог, чтобы на второй речке хороший брод был, – сказал Иван.

– Бога нет, – сказал Сашка.

– Это мы уже слышали, – сказал Порфирий, – вперёд, по дороге просохнем и согреемся.

Они закинули котомки за спины, выбрали винтовки и потопали по полю. Через два часа сделали большой привал. Хорошенько перекусили, полежали. Было уже далеко за полдень.

– Кажись половину протопали, – сказал Порфирий.

– А как ты дорогу знаешь? – спросил Сашка.

– А солнце на что? – ответил Порфирий, – сейчас за полдень, значит там юг, следовательно, запад – там, – он встал лицом к солнцу, а правой рукой указал на запад.

– А компас тебе командир на что дал? – спросил Иван.

– Можешь проверить, – Порфирий достал компас и дал его Ивану. Тот посмотрел на компас и вернул Порфирию.

– Всё правильно, – сказал Иван, – только ты хоть иногда сверяйся, а то забредём неведомо куда.

– Хорошо, – пообещал Порфирий, – ну что отдохнули?

– Эх, сейчас бы махорочки, – сказал Сашка.

– На обратном пути разживёмся, – пообещал Костя.

К вечеру они добрались до второй реки. Эта река была и пошире, и поглубже. Долго искали брод, но брода опять не было. Решили заночевать, а утром решить – как преодолеть эту реку. Спустилась ночь. Застрекотали кузнечики. Где-то далеко были слышны то ли раскаты грома, то ли залпы орудий. Небо было звёздное. Порфирий лежал на спине, сон не шёл.

– Ложись, я подежурю, – сказал он Косте, – что-то не спится.

Костя спорить не стал и скоро его храп вплёлся в стрекотанье кузнечиков.

– Ну здоров же он храпеть, – подумал Порфирий, – богатырь!

Далеко за полночь Порфирия потянуло в сон. Он разбудил Костю, а сам свернулся калачиком и заснул. Разбудил его Сашка. Чуть брезжил рассвет.

– Пора, – сказал Сашка, – ну что решил, командир?

– Пойдём вверх по реке, авось и на брод набредём, – решил Порфирий.

– Вверх по реке нельзя, – сказал Иван.

– Почему? – спросил Сашка.

– Там село и мост, а нам светиться нельзя.

– А откуда ты знаешь? – не унимался Сашка.

– Я карту запомнил, – ответил Иван.

– Что будем делать? – спросил Костя.

– Нам торопиться некуда. Дойдём до моста, дождёмся ночи и перейдём реку, – решил Порфирий.

– Как скажешь, командир, – сказал Иван.

Взвалили поклажу и пошли вверх по течению. До моста дошли где-то к полудню. Залегли и стали ждать ночи.

Пока ждали ночи, разговорились про женщин. Оказалось, что только Сашка не был женат, а у остальных уже были жёны и дети. Порфирий похвалился, что его сыну уже целый год, а у Ивана их оказалось двое. Константин ушёл в партизаны, когда жена уже была на сносях и теперь он гадал – сын или дочь его ждёт дома. Сашке только-только исполнилось девятнадцать, поэтому о жене он только мечтал.

– Ты, Сашка, не торопись с этим делом, – объяснял ему Иван, – хомут на шею ещё успеешь повесить.

– Ну почему же хомут? – интересовался Сашка.

– А потому что бабы, они и есть бабы, – непонятно объяснил Костя.

– Чего-то вы, ребята, темните, – Сашка посмотрел на Порфирия, – а ты чего молчишь?

– А что говорить? Есть Любовь, а есть – семья. Это разные вещи. Я вот любил одну, и она меня полюбила, а женился на другой. Тоже вроде по любви, вернее она меня полюбила, а её не очень, больше пожалел.

– А что же на первой не женился?

– Она богачка была и отец её против нашей любви – горой. И выдал он её за богатого. С тех пор я её и не видал.

– Вон оно как? А я ещё свою любовь не нашёл. Ищу, ищу, но пока не везёт.

– Вот воевать кончим и повезёт, – сказал Иван, – знаешь сколько баб после войны за тебя драться будут?

– Драться, ну ты и сказал, будто я красавец какой. Да и ростом не вышел.

– Маленьких ещё больше бабы любят, – ободрил его Порфирий.

Стемнело. Движение через мост прекратилось. Порфирий послал Ивана проверить – всё ли тихо и можно ли переправляться. Иван вернулся и доложил, что около моста дежурит какой-то мужик с винтовкой. И на той стороне, тоже кто-то костёр разжёт.

– Охраняют, значит, – понял Порфирий, – так, ты Сашка с Костей ждите здесь, а мы с Иваном пойдём решать эту задачу.

– Поосторожней там, – попросил Костя.

– Это уж как получится, – ответил Иван и достал нож и верёвку.

– Ну, води, – велел Порфирий и тоже достал нож.

Ночь была довольно тёмная. Луна слабо просвечивала сквозь тучи и в пяти шагах уже ничего не было видно. Они тихо подошли к мосту и залегли. Мужик занимался разведением костра, и Порфирий с Иваном как раз оказались у него за спиной. Только мужик встал на четвереньки, чтобы раздуть костёр, как сзади навалился Иван и прижал его к земле, потом быстро перевернул на спину и заткнул рот рукавом. Мужик брыкался, но тут Порфирий быстро скрутил ему ноги верёвкой и тот затих. Иван показал ему нож и приложил палец к губам, что означало – заорёшь – зарежу. Мужик попался сообразительный и согласно закивал головой. Иван связал ему руки, а Порфирий для надёжности отрезал кусок материи от его рубашки и затолкал её мужику в рот.

– Семён! – раздался голос с той стороны моста, – ты куда пропал, Семён?

Двое мужиков у костра на той стороне вглядывались в темноту. Порфирий с Иваном залегли и ждали что будет дальше. Один из них взял ружьё на перевес и пошёл по мосту на другую сторону.

– Семён! – опять окрикнул он, когда дошёл до середины моста.

Ответа не было, и он осторожно двинулся дальше. Порфирий с Иваном расползлись в разные стороны. Идущий по мосту услышал шорох и нажал на курок. Пуля просвистела у Порфирия над головой.

– Эй, чего там? – раздался голос второго, который остался у костра.

– А чёрт его знает? Может показалось. Семён, ты где?! – он опять пошёл по мосту вперёд.

– Вертай назад, – крикнул второй, – слышь, чего говорят? Игнатий – назад!

– Не-а, Семёна надо найти. Спит, наверно, зараза. Он спать-то здоров, я его знаю, даже костёр поленился разжечь, – заговаривал Игнат свой страх перед темнотой и неизвестностью.

Он уже перешёл мост и оказался рядом с Порфирием, тот подставил ему ногу, и Игнат повалился вперёд. Хорошо ещё, что на курок не успел нажать! Порфирий навалился на него сзади и ткнул Игната мордой в мягкую мокрую землю. Подбежавший Иван скрутил ему ноги и руки. Снова засунули клып в рот, и Иван побежал по мосту на ту сторону.

– Это ты, Игнат? – только и успел спросить сторож, как Иван ударил его кулаком в лоб и тот повалился в костёр.

– А-а! – заорал упавший, но Иван быстро вытащил его из костра, и подоспевший Порфирий проделал всё точно так же, как и с двумя первыми. Путь через мост был свободен.

– Беги за Сашкой с Костей, а я здесь подожду, – велел Порфирий.

Иван скрылся в темноте. Порфирий перевернул связанного на спину и обшарил карманы. Махорка нашлась во втором кармане, а в первом Порфирий нашёл и бумагу. Пока Иван бежал за ребятами, Порфирий скрутил четыре козых ножки и одну из них прикурил от уголька из костра.

– Махорка! – вскричал Сашка, когда они подошли к костру.

– Садись, покурим и пойдём. – велел Порфирий. Все с жадностью затянулись ароматным куревом.

– Эх, тех двоих не обыскали, – пожалел Порфирий.

– Обижаешь, – сказал Иван и достал из-за пазухи два кисета, – теперь живём!

– Махорочка! – опять сказал Сашка и выпустил изо рта клуб дыма.

– Давно куришь? – спросил Костя.

– С шести лет, – гордо ответил Сашка.

– Да, это срок! Пора, – Порфирий поднялся, – надо успеть отойти подальше, а то вдруг погоню организуют.

– А на что погоня? – Все живы. Ну ночью помучаются, а утром их развяжут.

– Бережёного Бог бережёт, – сказал Порфирий.

– Да нету никакого Бога, – начал Сашка, но тут же замолчал.

Закинули за спины котомки, взяли свои винтовки и скрылись в темноте. Костёр, что горел на берегу, почти совсем погас, только последние угольки едва светились в темноте.

Шли без остановки примерно около часа, в хорошем темпе, иногда останавливались и слушали. Тишина! Луна, наконец, вылезла из-за туч и идти было легко, однако, груз за плечами не давал увеличить скорость. Устали и прилегли отдохнуть.

– Отдыхаем до рассвета, дежурим по часу, Иван – ты первый, – кратко скомандовал Порфирий и все легли спать. На этот раз Порфирий заснул мгновенно и увидел хороший сон. Будто бы Лиза, его первая любовь, убежала от мужа и пришла к Порфирию.

– Теперь мы с тобой будем жить, – сказала Лиза.

– У меня жена, сын, – отвечал Порфирий.

– Ничего, – говорит она, – я тут за печкой поселюсь, а ты меня навещать будешь. Ты же меня любишь?

– Люблю, – отвечал Порфирий и они вместе с Лизой пошли за печку. Только Порфирий обнял Лизу, только она губами взяла его ухо, как услышал:

– Подъём! – он открыл глаза и увидел Сашку, который тянул его за ухо, – ну и здоров же ты спать, Порфирий, никак тебя не разбудишь.

– Хороший сон снился, – оправдался Порфирий.

– Небось про баб? – догадался Иван.

– Про баб, – подтвердил Порфирий и улыбнулся, – соскучился я по ним.

– Вот отвоюемся и отведём душу, – сказал Иван.

Попили водички из фляг и снова пошли вперёд. До пункта назначения оставалось, наверно, вёрст пять. Так про себя думал Порфирий и действительно, через два часа пути показалось село, возможно то самое, около которого они должны были найти аэропланы. Залегли недалеко от села и стали ждать.

– Может я в село смотаюсь? – спросил Иван, – а ну как это не то, что мы ищем?

– Это мы всегда успеем, – ответил Порфирий, – подождём, может вылезут они из норы.

Подождали ещё немного и дождались – с той стороны села раздался характерный звук и вскоре они увидели летящий на восток аэроплан, за ним второй, а потом и третий.

– Полетели, голубчики, – сказал Сашка, – ничего, скоро отлетаетесь.

– Как стемнеет, пойдём вокруг села и найдём их гнездо, а сейчас самое время перекусить – доставай, Костя, харчи.

– Маловато харчей осталось, – сказал Костя.

– Ничего, задание выполним, тогда можно будет и харчами запастись, – ответил Порфирий.

Перекусили и занялись подготовкой взрывчатки.

– Там, небось, охрана возле иропланов имеется? – сказал Костя.

– А то нет, конечно имеется.

– Что будем делать?

– Надо её потихоньку устранить, так же как на мосту.

– Тут, небось, военные охраняют, а не мужики.

– А что военные – бабы что ли? Те же мужики, только в форме, им тоже ночью спать охота.

– На месте увидим, понаблюдаем и решим. А так чего гадать, – успокоил спорщиков Порфирий.

Как только стемнело, пошли вокруг села и скоро увидели три костра, около которых сидели люди с оружием. В свете костров можно было рассмотреть и аэропланы. Пять штук было видно, остальные скрывались в темноте, а может их и вообще не было. Костры располагались по одной линии и расстояние между ними было метров по двадцать. Около каждого костра сидело по три человека.

– Сильная охрана, – сказал Иван, – так просто их не взять.

– Посмотрим, что будет дальше, – ответил Порфирий и они стали наблюдать.

Те, что у костров, как видно пекли картошку, потому что иногда выкатывали что-то из костра и ели.

– Картошку жрут, – сказал Сашка, – эх, сейчас бы картошечки рассыпчатой...

– Будет тебе и картошечка, – сказал Костя, – потерпи.

Через некоторое время у костров осталось по одному человеку, остальные поднялись и отправились в сарай, что стоял на конце взлётного поля.

– Это у них ужин был, – понял Порфирий, – значит их всего девять человек.

– А пилоты где? – спросил Иван.

– Пилоты, небось, в селе ночуют, им хороший отдых требуется, я так понимаю.

– Может так и есть, а может тоже в сарае ночуют.

– Тогда их человек двадцать всего. Многовато!

– Придётся ещё денёк понаблюдать, – сказал Порфирий, – разведчики докладывали, что десять аэропланов видели.

– Маловат сарай-то для такой оравы, – сказал Иван.

– Торопиться некуда. Всё надо делать не торопясь, и с умом, – сказал Порфирий свою любимую фразу, которая ему понравилась в какой-то книжке и он её запомнил. И всю жизнь он руководствовался этой фразой.

Караул около костров сменялся каждые два часа. Был и разводящий, значит охраны было десять человек, вместе с командиром. Утром из села приехала подвода – привезли пятерых пилотов, их легко можно было узнать по кожаным курткам и шлемам, и провизию.

– Я же говорил, что пилоты в селе ночуют, – сказал Порфирий.

– Сам вижу, – отозвался Иван, – сейчас опять полетят.

– А иропланов-то – всего пять, ошиблись разведчики, – сказал Сашка.

– А может пять уже сбили? – предположил Костя.

– Значит нам всего пять оставили.

– Ну что будем делать, командир? – спросил Иван Порфирия.

– Обстановка ясная, теперь будем думать, – ответил Порфирий, – времени на раздумье – целый день. Включайте головы, братцы.

Три аэроплана завели моторы, разбежались по полю и взлетели. Около двух оставшихся копошились пилоты. Из охраны осталось двое бойцов. Остальные, как видно, пошли отсыпаться.

– А что, если сейчас вдарить? – предложил Сашка, – четверо на четверо. Пока эти в сарае дрыхнут, мы этих четверых положим и пару иропланов грохнем.

– А потом, когда те проснутся, их будет в два раза больше, чем нас, – ответил Иван.

– Если они из сарая выбегать начнут, мы их по одному перестреляем, – наступал Сашка.

– Дураки они, как же! Конечно они круговую оборону в сарае займут – не подсунешься.

Они нас видят, а мы их нет.

– Нам бой принимать не с руки. Наша цель – аэропланы, – сказал Порфирий.

– Да, главное аэропланы уничтожить, – подтвердил Иван.

– Кто знает, где у аэроплана бензобак? – спросил Порфирий.

– Я знаю, – сказал Костя.

– А кто у нас снайпер?

– Ну я, – опять сказал Костя, – ты это к чему?

– А к тому. Слушайте, – и Порфирий рассказал товарищам свой план. Все план одобрили и стали готовиться к его выполнению.

В это время на поле зачихали оставшиеся два аэроплана и через некоторое время уже летели в сторону леса. На поле остались только двое часовых. Они развели костёр и снова стали печь картошку.

– У нас два часа, – сказал Порфирий, – скоро первые три должны вернуться, если их не подбили.

Через два часа все были готовы и на своих местах. Показался первый аэроплан, он вылетел из-за леса и стал садиться на землю. Минута и он уже запрыгал по кочковатому полю. За ним показался второй и только он пошёл на снижение, как раздался выстрел и бензобак вспыхнул за спиной пилота. Аэроплан рухнул на поле. Двое охранников побежали было к упавшему аэроплану, но один из них взмахнул руками и упал замертво – это стрелял Иван. Второй тут же залёг на землю и стал палить во все стороны. Дверь сарая открылась и из неё выскочили двое солдат, но тут же упали, подкошенные меткими выстрелами Порфирия и Сашки. Больше из сарая никто не показывался. Первый пилот сидел в аэроплане и не вылезал, но достал наган и тоже стал стрелять куда попало. Показался третий аэроплан. Его пилот заметил горящий на поле аэроплан и сделал над полем круг.

В это время Порфирий с Сашкой подкрались к сараю, зажгли фитили и бросили к дверям взрывчатку. Окон у сарая не было, а то можно было бы бросить в окно. Они успели проползти десять шагов – сзади раздался взрыв и дверь сарая снесло взрывом, сарай загорелся и из него выскочили шестеро человек. Они тут же залегли цепью недалеко от горящего сарая.

Третий аэроплан развернулся и хотел было скрыться за лесом, но тут Костя опять показал, что он действительно снайпер. Бензобак третьего запылал – не зря они взяли разрывные пули. Аэроплан, не дотянув до леса, рухнул на землю. Второй из охранников не выдержал и, бросив винтовку, поднял руки и побежал в сторону леса, думая, что именно там скрывается враг. Через несколько мгновений он уже скрылся в лесу.

Наши бойцы лежали тихо и ждали что будет дальше. Их было четверо, а врагов семеро, считая пилота. Наступила страшная тишина. Нервы у всех были на пределе. Одно неверное движение и гибель неминуема. Порфирий достал гранату, вынул чеку и швырнул её по направлению догорающего сарая. Граната взорвалась, посыпались комья земли, но как видно цели она не достигла. Порфирий поглядел на аэроплан – пилота в кабине не было. Вылез и куда-то убежал. На том конце поля поднялся Костя и быстро перебежав, плюхнулся рядом с Иваном. Раздались запоздалые выстрелы, но Костя уже был на земле. Иван сооружал обманку. Надел на штык свою кепку и велел Косте приготовиться. Обманка пошла вверх, раздался выстрел, Костя тоже выстрелил на звук. Раздался вскрик, и Иван пожал руку Косте. Шесть! Их осталось шесть!

Вдруг Сашка не выдержал и, поднявшись во весь рост, с криком Ура! бросился в сторону врага, Порфирию делать было нечего, как поддержать Сашку, а за ними поднялись Костя с Иваном, тоже кричавших – Ура! Они успели сделать на бегу по два выстрела, с той стороны тоже стреляли и, вдруг, Сашка упал на землю, а Порфирий, добежавший до врага, уже в упор расстрелял двоих из пятерых, а на третьего бросился с ножом. Двое врагов побежали, но подошли Костя с Иваном и прикончили ножами. Порфирий бросился к Сашке, а Костя метнулся к аэроплану. Там он нашёл мёртвого пилота – как видно граната, которую бросил Порфирий, всё-таки сделала своё дело.

Сашка лежал, уткнувшись носом в землю. Порфирий перевернул его и увидел расплывающееся бурое пятно на животе Сашки. Приложив ухо к груди, Порфирий услышал, что сердце ещё бьётся.

– Живой, слава Богу! Потерпи, Сашка, – сказал Порфирий, – потерпи маленький.

Подошли Костя с Иваном, увидели рану и покачали головами – плохо дело.

– Чёрт его дёрнул идти в атаку, – зло сказал Иван.

– Молодой, горячий, – сказал Костя.

Сашка открыл глаза.

– Пить, – застонал Сашка.

– Нельзя тебе, – пожалел его Порфирий, – ты потерпи. Домой вернёмся – напьёшься.

– Махорочки, – одними губами произнёс Сашка.

Порфирий скатал и раскурил козью ножку, дал затянуться Сашке. Сашка затянулся два раза и улыбнулся.

– Помолись за меня, Порфирий, – попросил он, – может есть он, Бог-то?

– Есть, есть... – Порфирий увидел, что Сашка уже ушёл. Он закрыл ему глаза и перекрестился. Костя с Иваном тоже перекрестились и опустили головы. Жалко было Сашку.

В это время из-за леса вылетел четвёртый аэроплан. Сделал круг над полем и скрылся за лесом.

– Эх, упустили, – схватился Костя за винтовку.

– Ничего, – сказал Порфирий, – трёх мы уничтожили, а этот тоже долго не пролетает.

Они подняли Сашку и понесли на опушку леса, там вырыли ножами неглубокую яму и положили туда Сашку. Забросали землёй и прикрыли еловыми ветками. Встали вокруг могилы и с минуту помолчали, опустив головы.

– Прощай, Сашка, Александр Абрамов, – сказал Порфирий, – счастливый ты человек, погиб за Родину, за свободу.

– Прощай, Махорочка, – сказал Костя и положил на могилу кисет, – кури, Сашка, на здоровье.

Они взорвали оставшийся аэроплан и через два дня снова были в отряде. Порфирий доложил командиру, как было дело.

– Стройся! – раздался голос командира, и все бойцы партизанского отряда поспешили на построение. Все уже были в курсе того, что произошло.

– Равняйся! Смирно! За проявленную смелость и отвагу, за успешное выполнение задания по уничтожению вражеских аэропланов, объявляю благодарность следующим товарищам: Васильеву Константину, Животову Ивану, Иванову Порфирию, а так же... (командир сделал паузу) Абрамову Александру – посмертно!

– Служим трудовому народу!

– Взвод, товсь! – скомандовал капитан, – пли!

Пятеро бойцов нажали на курки и отсалютовали в честь погибшего бойца тремя залпами. Ура на этот раз не кричали. «Махорочка» был всеобщим любимцем и трудно было представить, что его уже нет и он больше не подойдёт, не толкнёт в бок и не попросит махорочки.

Ночью Порфирий убежал из отряда и вернулся к семье. Он больше не хотел никого убивать, а тем более терять своих товарищей.

В психушке (продолжение)

Прошло два месяца, и Философ каждый день выполнял урок, заданный Порфирием. За эти дни они обсуждали только ощущения Философа от выполнения процедур. Потом Философа снова потянуло на более обширные темы.

О Природе. О питании. О будущем

Ф. Вы знаете, Порфирий Корнеевич, я, когда начал обливаться, очень слабо верил, что это как-то поможет, но вот уже два месяца я обливаюсь, и замечаю, что кашлять стал меньше. И сплю уже лучше.

П. К. Молодец, Философ, на правильную дорогу вышел. Только одного обливания мало. Природа ждёт, когда ты по всем статьям здоровым станешь. Гордыню свою усмиришь. Вот ты на санитаров, да врачей злишься, а это не хорошо. Это тот же холод – плохая сторона жизни. И её надо принимать.

Ф. Вы хотите сказать, что это тоже часть Природы? Как же вы понимаете слово – Природа?

П. К. Природа – это народ, мы, люди. Природа – она же наша Мать, она же нас родила. Она же нас представила на белый свет для того, чтобы мы вот именно жили, а раз она нас представила, мы должны её, как таковую Мать благодарить. А мы ей не доверяемся. Даже не хотим понять, что в Природе есть такие силы, которые могут всё сделать. Природа есть всему дело, у неё есть всё: у ней есть воздух, у ней есть вода, у ней есть земля – самых три главных тела, которые в одно прекрасное время нам всё дадут. Мы, таковые люди, всё получили, всё сделали, но вот одного мы не сделали – естественного характера в Природе получить – это здоровье. Мы с вами в бою нашей жизни, нашего труда, нашего дела. Мы, народ, часть Природы. Мы воюем, и Природа воевать начинает. Меняются социальные условия в обществе, и Природа меняется. Если мы хотим, чтобы Природа нас любила, то ведем себя в Природе вежливо. У человека же есть Совесть, Разум и Любовь! Абсолютная сила – есть общество. В общих силах преобладает жизнь и здоровье, Любовью вся жизнь покрыта, без Любви нет жизни, она неизменная, чистая, сознательная, как дева, это есть идея, которая включает в себе все исторические идеи.

Ф. Да, глубоко вы копнули. И вас, такого борца за Любовь, в психушку засадили... хотя куда им до Любви!

П. К. Да, я борец и меня за это гонят, но я борюсь не за то, чтобы мы вот именно свои тела теряли на фронте своей борьбы. Я борюсь за то, чтобы обязательно нам пришлось жить так, как никогда не пробовал человек. А наши люди, те, которые живут, так сказать, «цивилизованно», то есть те люди, которые вооружённые живут, технически самозащищённые, они говорят: нам это не нужно. У нас есть, чем самозащищаться.

Ф. Да, таких у нас большинство. Они уж лучше умрут в своих дворцах, квартирах, но лить себе ведро холодной воды на голову – не будут.

П. К. Я никого не заставляю, но прошу, это же надо хоть немножечко попробовать этими путями пойти, а раз попробовать, значит надо делать. Моё дело такое – любить Природу.

Ф. А вы знаете, что я вспомнил – ведь Христос тоже пример показывал – 40 дней постился и говорил, что Он есть Путь. А кто из нынешних священников может 40 дней ничего не кушать?

П. К. И в христианской вере есть подвижники, только они не в храмах жируют, а в уединении и тоже многое могут. А 40 дней поститься – это не предел. Я у Природы спрашивал – может мне совсем ничего не есть? А она отвечала – рано ещё. Не мне рано, я-то могу, а для всех людей ещё время не подошло.

Ф. Вот про это вы мне ещё не рассказывали. Значит человек и без пищи может обходиться?

П. К. Может и без пищи, и без воды. Надо только свой организм настроить и подготовить.

Ф. Позвольте, а за счёт чего он будет жить? Откуда энергия возьмётся?

П. К. Человек не паровоз, ему твёрдой пищи не нужно. В воздухе есть всё, в Природе. У меня адское терпение на то, чтобы всё на себе испытать лично и понять, а потом на себе и других применить, чтобы от всего этого была польза.

Ф. Да вы просто учёный!

П. К. Это ты про каких учёных, которые всё на мышах, да на собаках испытывают? Нет, я другой учёный, я всё на себе испытываю. Всё делаю постепенно, аккуратно и осторожно с режимом пищи сознательно, чтобы жить за счёт условий воздуха, воды и земли. Три тела, которые имеют в себе азот... В чём причина болезни – клетка твоя мёртвая. Чем поднимешь? Пробуждением... Живое качество холода все клетки поднимет. Это самое главное в жизни – холод. Тело неумирающее, а при холоде жизнь раскрывается. Живое тело никогда неумираемое, его надо воспитать... Надо бы давно бросить кушать, но не приходило такое время, такое уверенное качество.

Ф. Чем больше я вас узнаю, тем всё больше вы меня удивляете. Хочу подобрать название сему феномену, но никак не получается. Может быть вы жрец Природы?

П. К. Я не жрец, не поп, не знахарь и не врач – я практик Природы. Моя закалка-тренировка – это Эволюция Святого Духа. Святой Дух находится в Природе – в воздухе, в воде и в земле.

Ф. Да, наверно, это так и есть. Вы знаете, я в своё время занимался мифологией. Очень интересная тема. И вот к какому выводу пришёл – в глубинах, изначальных пластах любого мифа лежит какое-то рациональное зерно. В то время, когда эти мифы создавались, эти зёрна для людей были также реальны, как для нас, скажем, электричество. И в реальную (но, увы, не всегда постигаемую нами) истинность мифа можно верить, как в любой факт земного бытия. И на основе этих мифов была культура! Отправление культа считалось такой же необходимой работой, как выпас скота или обработка хлебного поля. К чему я это? Ах, да, суть в том, что до эпохи «цивилизации» человеческая культура была предельно связана с жизнью, с Природой, по-вашему. И когда люди жили в гармонии с Природой, во время Праздников они объединялись с силами Природы – с солнцем и водой, воздухом и землёй. Они для них были такими же живыми, как для нас с вами, скажем, рыбы, птицы и звери. И, судя по фактам истории, люди болели намного меньше, чем сейчас.

П. К. Правильно говоришь, философ. Наше тело – жизненный цветок, а его окружило мёртвое и с краю и изнутри. Запаха такого, как хотела Природа, нету на человеке, от него внешняя и внутренняя вонь полилась рекой, он плохое, вонючее несёт...

Ф. Да, я заметил, что ваше тело издаёт, я бы сказал, приятный аромат. И цвет вашего тела бронзовый. Вы всегда такой загорелый были?

П. К. Не всегда, а постепенно стал... от холода всё это изменилось. Моё тело только с виду такое же, как у всех. На самом деле оно уже совсем другое. Я своей закалкой-тренировкой построил новый дом для Святого Духа, чтобы ему было хорошо. Моя плоть совсем другая, неумираемая, она пересоздала себя для новой жизни без потребления.

Ф. Да, были в истории такие случаи, когда человек, чаще всего святой, умирал, а плоть его не разлагалась. И таких святых очень почитает церковь.

П. К. Да, церковники это любят, но таких святых единицы, да и к церкви они во время жизни никакого отношения не имели.

Ф. Согласен. Достоевский в своём романе «Братья Карамазовы» об этом очень хорошо пишет: «А старец-то твой провонял, Алёша, говорит ему брат Иван.» А Алёша думал, что он святой.

И что же дальше? Вы как-то прогнозировали будущее человека?

П. К. В будущем человек станет невидимым.

Ф. Как это невидимым?

П. К. Плотное тело ему уже не нужно будет. А голос направит – себя покажет. По воде пойдёт, как ваш Христос, своим лёгким зонтом в воздухе себя поднимать станет. А я ему покажу иные миры и иного творца, дающего душу всему тому, что любит жарким сердцем всё сущее на земле: будь то камень или цветок, человек или червяк.

Ф. Да вы – поэт, батенька. Стихи писать не пробовали?

П. К. Почему же, писал! Вот к примеру:

Навеки запомню, пока существую,
Как в зимнее время, в погоду лихую
С одним человеком Природа сразилась,
В борьбе, побеждённая им отступилась,
И в ноги босые ему ПОКЛОНИЛАСЬ!

Ф. Это из вашего личного опыта?

П. К. Так оно и было. Только не с Природой я сражался, а со своими страхами да болячками, но тут в стихе для красоты так написал. В молодости ещё не всё понимал, вот и написал, что с Природой, а на самом деле кто же со своей Матерью воевать станет?

Ф. Да, вы говорили, что Природа – это Мать наша, поэтому эти стихи меня удивили.

П. К. Потом я уже другие стихи писал.

Ф. Что-то помните?

П. К. Я всё помню, что когда-то писал.

Вся сила, сыночек, в огромном желанье
Всё слить в единое слово – дерзанье.
Зазнайство, капризы, гордость – пороки
Ты все побори в кратчайшие сроки.
Будь вежливым всюду со старым и малым,
Всё это послужит, сыночек, началом.
Здоровье тебе даст уход за собою.
Ты должен быть в дружбе, сыночек, с водою.
С Водою холодной, водой ключевой,
Тогда ничего не случится с тобою.
Простуды любые и прочие хвори
Ты всё уничтожишь сознанием воли.
В сознание, – терпение, в труде твоём слава.
Не думай, что жизнь – это просто забава.
Всех слабых Природа крепко стегает,
Запомни, а разум всегда побеждает.
А в разуме сила. Кто ею владеет,
Тот смело без страха по жизни шагает.

Ф. Это вы своему сыну писали?

П. К. Для меня любой человек, как сын или дочь, хотя и моему тоже.

Ф. А сколько у вас детей?

П. К. Двое сыновей.

Ф. И что? Они тоже, как отец, закаляются?

П. К. Да нет, они в мать. Та холода боится.

Ульяша

Порфирий замолчал. Видно было, что это очень болезненный для него вопрос. Он вспомнил постоянный разговор со своей женой:

- Пашечка, да чего же ты нас позоришь. Живи, как все.
- Ульяша, если я это дело брошу, то сам умру и все люди погибнут.
- Я не буду, как куропатка, в сугробе спать.
- Ульяша, чтобы спать в сугробе – это надо у Природы заслужить.
- Да кто ты такой? Почему не хочешь жить, как люди живут?
- Я тот, кто во мне. Сам бы я тысячу раз умер.
- Может ты Бог?
- Это ты сказала.
- Мало тебя в психушках держали. Возомнил себя Богом, а дети в обносках ходят.
- Дак запретили мне за калитку выходить. Людей ко мне не пускают.
- И правильно сделали. Может образумишься.

После этого Порфирий выходил в сад и разговаривал с Природой.

– Природа, матушка, ты меня родила, ты меня поставила на это место. Я от этой тяжести не отказываюсь. Но что же мне делать, если меня не понимают?

И Природа отвечала: Твоё терпение – мать учения. Стерпишь – победишь, не стерпишь – погибнешь.

– Значит терпеть много придётся?

– Тебе по силам. Ты сделаешь всё, что сможешь, а потом настанет очередь за людьми. Кто поверит в тебя и путь тобой указанный, тот будет жить.

Шёл 1918 год, Порфирий возвращался домой. В прошлом году его, по собственному желанию, забрали в армию, и он поехал на фронт, но революция поменяла все планы и Порфирий, так и не доехав до фронта был подхвачен революционным ветром. Он почти год искал своё место в революции, то примыкал к большевикам, то к анархистам, то к каким-то бандитам, но никак не мог найти того, что было бы ему по душе. В конце концов решил вернуться домой, а уж там решить – что делать и чем заниматься. Ему уже исполнилось двадцать лет, и он чувствовал себя очень взрослым, прошедшим огонь и воду, человеком. По дороге домой он оказался в Сулине, или как его теперь называли – Красном Сулине. До дома оставалось совсем немного, но доехать туда было сложно при всей той неразберихе, что случилась в Российском государстве.

На вокзале толпилось много народа. Все куда-то ехали: кто домой, кто, наоборот, из дома. Кто по делам, а кто в поисках какого-либо заработка. Мужики, бабы с детьми, юноши и девушки, старики и старухи – все томились на вокзале.

Вот в этой толчее и встретил Порфирий свою Ульяшу. Как только он её увидел, то внутри у него как будто что-то щёлкнуло: вот человек, которому я могу помочь. Привлекла она Порфирия своим жалким видом и покорностью. Это была девушка, почти девочка, лет семнадцати-восемнадцати. Одета она была в чёрное платье, которое было ей велико и волочилось по полу, и в чёрном платке.

– Видно сирота, – подумал Порфирий и сердце его сжалось от сострадания.

Она ходила от одной группы людей к другой, низко кланялась и просила подать ей хлеба. Некоторые подавали монеты, но большинство гнали её и она, ссутулившись, сжавшись, как от ударов, шла дальше. Так она дошла до Порфирия, который расположился на полу около стены. Она поклонилась и попросила хлеба. Порфирий развязал свою котомку и достал чет-

вертинку буханки хлеба. Взвесил её на руке и протянул девушке. Она вспыхнула, но протянув руку, отклонила хлеб.

– Это много... – тихо сказала она.

– Бери, бери, – настаивал Порфирий и она взяла хлеб, спрятала его за пазухой и снова поклонилась Порфирию.

– Спасибо, буду за вас бога молить, – сказала и пошла быстро из зала.

Порфирий поднялся и решил проследить – куда пойдёт девушка. Она вышла из вокзала, перешла улицу и скрылась за углом дома. Порфирий пошёл за ней. Он завернул за угол и снова увидел её. Она торопливо жевала хлеб, который ей дал Порфирий. Увидев его, она повернулась и побежала по улице.

– Постой, – крикнул Порфирий, – постой, тебе говорят!

Но девушка не останавливалась, и Порфирию пришлось тоже перейти на бег. Вдруг девушка остановилась, повернулась к нему лицом и вытянув руку с хлебом, крикнула:

– Берите! – в глазах её был ужас.

– Не бойся ты меня, – мирно сказал Порфирий, – и хлеб мне твой не нужен. Я поговорить с тобой хочу. Ты где живёшь? Мне переночевать негде –пустишь?

– Нету у меня дома и никого нет.

– Я так и подумал – сирота значит?

Девушка кивнула.

– А звать-то тебя как?

– Ульяна я.

– А меня Порфирием зовут. Я из Ореховки. Мне туда ещё добраться надо, к родным. А где же ты ночуешь?

– А где придётся. Часто на вокзале.

– Сама-то откуда?

– От сюда, из Сулина.

– Почему же домой не идёшь?

– Не могу, там только мачеха осталась, – сказала Ульяна, и вдруг разрыдалась.

Порфирий подошёл к ней, обнял и сказал:

– Отец, небось, на фронте погиб?

– Да, – сказала сквозь слёзы Ульяна, – а вы откуда знаете?

– Нетрудно догадаться. Сейчас таких сирот, как ты, ужас сколько.

– Возьмите меня с собой, я вам пригожусь, – вдруг сказала Ульяна и посмотрела Порфирию в глаза.

– А и возьму, – просто ответил Порфирий, – я как тебя увидел, то сразу понял – вот человек, которому я могу помочь.

– Правда?

– Правда. Завтра поезд будет, может быть уедем. Да ты хлеб-то доедай, у меня ещё есть.

До поезда надо было чем-то заняться. Сначала они пошли домой к Ульяне и она собрала свои вещи. Мачеха, упёршись руками в бока, молчаливо наблюдала за происходящим. Собрав вещи, Ульяна поклонилась мачехе и сказала:

– Прощайте, больше вы меня не увидите.

– Напугала! – крикнула им вслед мачеха. – Скатертью дорога. Совет, да любовь! – это было уже сказано тихо и с издёвкой. Она демонстративно хлопнула дверью.

Дверь дома захлопнулась и Ульяна с Порфирием пошли по улице. Пока было светло они бродили по городу, заходили в дома и просились на ночлег. Хозяева смотрели на них, как на врагов и тупо отказывали, отказывали, отказывали. Уже начало вечереть, и они уже отчаялись найти ночлег. Повернули к вокзалу. По пути им попалась церковь. Они поглядели друг на друга и не сговариваясь вошли. Церковь была пуста, почти все иконы были сняты, везде

валялся мусор и только каким-то чудом уцелевшая икона божьей Матери светилась, подсвеченная тремя свечами. Порфирий с Ульяной подошли к иконе. Богородица ласково на них смотрела и как бы приглашала в другой мир, где нет войны, нет разрухи.

– А давай обвенчаемся? – вдруг предложил Порфирий.

– Давай, – согласилась Ульяна.

Они взяли в руки по свече.

– Повторяй за мной, – велел Порфирий и начал говорить, а Ульяна повторяла его слова.

– Перед лицом Божьей Матери беру в жёны (в мужья) Ульяну (Порфирия) и клянусь – не разлучаться с ней (с ним) ни в горе, ни в радости. Чтобы ни случилось в нашей жизни, я буду верен (верна) моей жене (моему мужу). О, пресвятая Богородица, соедини наши руки и наши сердца навеки и дай нам силы выдержать все испытания, посланные нам Всевышним. Аминь!

– Аминь! – прошептала Ульяна, и они с Порфирием, поглядев друг другу в глаза, поцеловались. Ульяна взяла Порфирия под руку, и они совершили круг по пустой церкви, потом поцеловали икону, поставили свечи и вышли из церкви.

В самые тяжёлые дни своей жизни, когда Ульяна досаждала Порфирию своим «материализмом», Порфирий вспоминал это венчание и старался держать слово данное Божьей Матери. Ульяна же само венчание помнила, но что она говорила и что обещала вспомнить не могла. Для неё это событие было завешано туманом. Да и в словах ли дело? Главное, что она всю жизнь была верна Порфирию, а «материализм»... Что с ним поделаешь? Такова была её природа.

Через два дня они, наконец, добрались до дома. Порфирий вошёл в дом отца и представил Ульяну.

– Вот, отец, моя невеста, Ульяной зовут.

– Ну раз невеста, значит скоро свадьбу сыграем, – одобрил отец, – слышь, мать, Порфирий-то невесту на фронте добыл.

Вышла Матрёна, обняла сына, посмотрела на Ульяну, и сказала:

– Вроде справная девка, молодец Паршек. Ну проходите, закусите чем бог послал, небось с дороги-то оголодали.

Вот так Ульяна стала женой Порфирия.

Порфирий посмотрел на Философа и мягко улыбнулся. Философ почувствовал, что сейчас Порфирию не до разговоров, встал и отправился к себе в палату. А Порфирий вспоминал свою нелёгкую жизнь.

Ещё лет тридцать назад, когда со всех сторон стекались люди, и Порфирий всех принимал и многие благодарили его за помощь и науку, случилось с Ульяной вот что: проснулась она как-то ночью и чувствует, что правая рука её не слушается – лежит, как мёртвая, и шевельнуть ей Ульяна не может. Испугалась Ульяна, но Порфирию ничего не сказала. Уснула с мыслью – утром пройдёт.

Утром поднялась – рука, как плеть висит. Попробовала другой рукой поднять её и такая боль пронзила её, что она закричала благим матом и страх охватил её.

Порфирий в это время был на дворе – зарядку свою делал. Услыхал он крик, пошёл в дом. Видит сидит Ульяна на постели белая, как снег, руку висячую гладит, а из глаз слёзы текут.

Подошёл Порфирий к жене и, ни слова не говоря, повалил её на постель, на живот перевернул, а сам начал своими руками по позвоночнику бегать. Побегал, побегал, нашёл точку, да как надавит на эту точку. Из глаз Ульяны искры посыпались. Боль страшная всё её существо пронзила.

– Да что ж ты делаешь-то, ирод проклятый, – завопила Ульяна. Порфирий отошёл от неё и говорит:

– В последний раз помогаю тебе по своей воле. Боле не притронусь, пока не попросишь.

Сказал и пошёл на двор продолжать зарядку делать. А Ульяна села на постели и с удивлением и страхом стала «больной» рукой двигать. А та двигается и даже памяти о той боли, что только что была, не оказывает. Будто и не болела вовсе. И не висела только что плетью.

И вот сейчас, по прошествии тридцати лет, лёжа в постели, и уже полгода не вставая, Ульяна вспомнила тот случай. И вспомнила она не чудесное излечение руки, а ту страшную боль, что предшествовала выздоровлению. И страх этой боли затуманивал её разум. Соседка, что ухаживала за ней, сколько раз просила её усмирить гордыню.

– Попроси Паршека – он тебе поможет, – говорила она.

Но не гордыня тут руководила Ульяной, а страх, животный страх перед болью. Да и всю жизнь, пока она жила с Порфирием, никак она не могла взять в толк – чего это люди к нему идут, да ещё и благодарят за здоровье и науку. Сама она, так же как боли, как огня боялась холода и всегда уходила, чтобы не смотреть как муж её своих пациентов водой обливает. Да ещё на снегу и на морозе.

Как страшно выйти во двор, набрать ведро воды и вылить его на себя, стоя босиком на холодном снегу, точно также страшно забыть себя и целиком отдать себя людям или своему самому близкому человеку. Эгоизм основан на страхе потерять себя, страх заболеть после обливания сродни эгоизму. Всю жизнь Ульяна была благодарна Паршеку за спасение, за заботу о ней и детях, но благодарность это не Любовь. А Любить, то есть потерять себя и слиться в единое целое с другим человеком, – очень страшно.

Так всю жизнь и не смогла она переступить ту черту, за которой её ожидала Любовь. Страх потерять себя был сильнее. И так за всю жизнь она не поняла, что жить в Любви намного лучше, чем в Страхе. Такова её природа, такова её судьба. Жалко её было Паршеку, но он ничем не мог ей помочь. А передать свой опыт, рассказать о том прекрасном чувстве, о той прекрасной стране, в которой он жил, он не мог. Переступить эту черту может только сам человек! И Порфирий никак не мог понять этого её упрямства. Ему невдомёк было, что Ульяна, выросшая в городе, оказывается до мозга костей была пропитана городской отравой, где каждый сам за себя. Не случайно фамилию она носила – Городовиченко и не захотела сменить её на Иванову, когда они свой брак с Порфирием регистрировали. А городские люди, испорченные и развращённые благами «цивилизации», ни в какую не желали быть здоровыми по системе Иванова. И Ульяна умом-то понимала, что Порфирий прав и видела результаты его работы, но семейная, глубоко уходящая психология, не давала ей преодолеть этот барьер.

– Не хочу я, как куропатка, в сугробе ночевать, – говаривала Ульяна.

– Так это у Природы ещё заслужить надо, – отвечал ей Порфирий.

– А мне это надо? – парировала Ульяна, когда ещё была здорова, – я и так, без твоего холода, проживу.

И действительно, Ульяна и сыновья болели очень редко. Она думала, что это её заслуга, а на самом деле Порфирий каждый день просил у Матушки Природы здоровья не только себе, но всем своим родным и близким. И Природа выполняла его просьбу.

Порфирий вначале пробовал приобщить её к своему делу, но потом понял, что Ульяну не переделаешь, а сама она вряд ли сможет преодолеть тот животный страх, что поселился в её предках, которые ушли от Природы в город. А когда открылось ему другое зрение, он своими новыми глазами видел ту чёрную змею, ту Чёрную Ламию, про которую дедушка ему рассказывал, что сосала из Ульяны её жизненные силы. Сколько раз спрашивал он у Матушки-Природы – можно ли как-то порубить этих змей? И сколько раз Матушка-Природа отвечала:

– Тебе это пока не по силам. В одиночку ты не справишься. Расти помощников.

И тогда Порфирий послушался. И змея высосала все силы Ульяны. Это только недалёким людям ясно было, что Ульяна ушла из этого мира, потому что упала со скирды и расшиблась. На самом деле падение произошло значительно раньше. Страх смерти заставил её попросить

Паршека вылечить её, но он сказал: «Иди в Природу, проси меня». Не пошла и не попросила, а у Природы блата нет. И ушла Ульяна в мир иной. Горько горевал Порфирий от безсилия.

Сын Порфирия, Яков, утверждает, что мать умерла легко и всю жизнь, после того как Порфирий занялся своей закалкой тренировкой, почти совсем не болела. Однако, другие люди говорят, что умерла она после падения со скирды. Сильно расшиблась. А теперь вспомните сон Порфирия про скирду, которую ему удалось победить. Вот так и получается, если взять этот образ: один человек победил скирду, а другого человека скирда победила.

В психушке (продолжение)

О человеке. Об эволюции. Ведическая философия

П. К. Я уж давно понял, что за мной пойдут немногие. Человеком очень нелегко быть, а многие лёгкой, тёплой жизни ищут. Я ведь холод, может быть, посильнее их чую, но терплю и не боюсь его, а они боятся – вот и болеют. Человек же должен быть в первую очередь ко всему жизнерадостный и здоровый. Когда в Природе солнышко, то он успокаивается, человеку нравится уютное и приятное. Он стремится создавать себе на завтрашний день своими действиями нужные условия. Но Природа начинает ему мешать в его делах. Начинает идти дождик, становится сыро и неудобно, атмосферное условие изменяется, и человек становится обиженный на Природу. А раз появилась обиженность, то до его тела пролезла болезнь. Найти путь-дорогу, идя по которой, болезнь не станет проникать в организм, он пока не научился. Постоянно с Природой человек идёт на рожон.

Ф. А вы считаете, что нашли этот путь?

П. К. Нашёл.

Ф. Но вы же сами сказали – за вами пойдут немногие.

П. К. Именно так.

Ф. Значит, ваш путь не панацея?

П. К. Чего?

Ф. Не универсальное средство, не всем оно подходит. Вот вашей жене, например, он не подошёл. Давайте возьмём Африку. Там ведь тоже много болезней, а холода нет. Как быть?

П. К. Я русский человек, но в Африке своя Природа и с ней тоже воевать не надо, а надо её понять. Холода там нет, значит есть какие-то другие стороны, которые человек не принимает, отсюда и болезни. А потом, в Африке тоже должен свой Иванов появиться, и в Америке, и в Австралии. По всей земле это делать надо. Вот мы в России революцию совершили, а по всей земле она не пошла, поэтому и война началась и люди друг друга убивать стали. Очень много от самого человека зависит. Вот я в революцию пошёл, большевиком сделался. Мне в руки наган дали и велели идти людей убивать. Я не пошёл, наган сдал и отошёл от большевиков.

Ф. На это надо смелость иметь. Я, честно говоря, большевиков всегда побаивался. В семье моей все учителя были – и отец, и дед. И я, по началу, тоже в учителя собирался, но увлёкся философией, университет закончил, вот тут революция и случилась. И философы стали не нужны.

П. К. Я так понимаю – сначала дело, а уж потом философия, то есть осмысление этого самого дела. Понимание, так сказать, глубины происходящего.

Ф. Да, вероятно, так и должно быть, но нас учили по-другому. Ведь рождение мысли и её обдумывание – это тоже в своём роде дело.

П. К. В любом разе практика нужна. Пусть сначала мысль, но потом – практика.

Ф. Ну философы тоже кое до чего додумались. Нас тоже эти вопросы мучают. Как так получилось, что в своей истории человек попал в зависимое состояние от Природы? И было ли когда-либо на Земле так, что он был независим от неё? Сейчас существуют два взаимно противоположных взгляда, которые рассматривают и доказывают вектор развития человека. Одно направление – это общепринятая теория эволюции человека. А второй взгляд – гипотеза его деградации. С точки зрения классической науки в нашем сознании укрепились мысли, что все мы произошли от зелёных водорослей, которые развиваясь, прошли все стадии до примитивных существ, вплоть до обезьян, и далее – до современного человека. Однако, есть и другая

теория, прямо противоположная – Ведическая теория эволюции. У человека Ведической традиции противоположное восприятие времени и истории. Для него эволюция – это регресс – переход от совершенных существ к менее совершенным.

П. К. Э-э, Философ, а ты кому-то об этом рассказывал?

Ф. Вот за эти рассказы я здесь и очутился. Когда я во всеуслышанье объявил это в научном мире, меня и сочли умалишённым.

П. К. Понимаю тебя, ох, как понимаю.

Ф. Я знаю одного человека, который уверен, что на Земле периодически появлялись и уходили целые цивилизации людей, которые никоим образом не были связаны с животными, неандертальцами, корманьольцами и т. п. Те же неандертальцы, как он утверждает, это деграданты от людей высшей самоорганизации. Более того, он доказывает, что на Земле сосуществуют совершенно разные виды людей, не связанных между собой общей генетикой.

П. К. Это что же за наука такая – генетика?

Ф. Это запрещённая у нас наука. Вы, пожалуйста, никому про это не говорите.

П. К. Были у меня мысли на этот счёт, Философ, я так думаю, что обезьяны – это бывшие люди.

Ф. Совершенно верно!

П. К. Было, было такое время, когда человек жил и ничего не творил. Его окружало живое, ток электричество, магнето. А когда ему пришлось менять в жизни свою форму, он кровью облился. Он наполнил своё тело чужим. Один попробовал, и другому понравилось это делать. Ничего лучше этого не нашли и стали применять. Так началась история жизни человеческой, воровская и убийственная.

Ф. Наверно, история об Авеле и Каине, что в Библии описана, в аллегорической форме об этом и говорит.

П. К. Паршек это давно понял. Он людей не стал слушать, а избрал свою дорогу, природную, живую, самую плохую и холодную. Мы в природе родились для жизни и взяли своё направление и ритм, стали для самих себя дело делать, да не одно, а много. В этом деле человек ошибся и погиб. Это в людях нехорошее развитие. До этого люди жили без труда и не кушали. Им было легко. А когда они стали это делать, они на веки веков умерли. Этой смерти раньше не было, её развили люди в процессе жизни.

Ф. Вы прямо бальзам мне на душу льёте. Это же и есть Ведическая философия! Вот в чём историческая ошибка человека, из-за которой он от коллективной природной жизни высшего уровня перешёл к индивидуальной, частной жизни, приведшей его к болезням и смертям!

П. К. А не пора ли, дорогой Философ, принять холодной водички на голову?

Ф. Пора, Порфирий Корнеевич, с превеликим удовольствием и радостью. Честное слово, я уже не могу обходиться без этой процедуры. Так, знаете ли, оживляет весь организм и мышление в том числе.

И они пошли на «процедуры» или, как называл их Порфирий – купание в волнах Природы. Он объяснил Философу, что это не просто «процедуры», а священнодействие. Чем отличается человек от существа в образе человека? Тем, что Человек – священнодействует, то есть наполняет любое действие высшим смыслом, а не механически выполняет какое-то телодвижение. И поэтому Человек не может, например, убивать, потому что убийство есть разрушение того, что создано Богом и его никак невозможно сделать священнодействием. На что Философ возразил, что и убийство некоторые «священнослужители» оправдали принесением жертвы Богу. Даже в Новом Завете сказано, что Бог сам принёс в жертву своего сына Иисуса Христа. На что Порфирий ответил просто:

– Значит —то не Бог был, а его противник.

И Философ согласился, помня о том, что многое в этих книгах перевёрнуто с ног на голову.

Искупавшись в волнах Природы, они разошлись по своим палатам. Порфирий вновь принялся за свои мемуары.

Порфирий и море

Если бы Порфирия спросили, почему он пошёл именно в это место, он вряд ли мог ответить на этот вопрос. Он просто доверился своему чутью и шёл туда, куда несли ноги. Он знал, что ноги несут его туда, где он в данный момент нужен Природе. Он уже был её частью, и они совместно делали необходимые дела. Так он очутился в одном селе на берегу Чёрного Моря.

Чтобы очутиться в этом селе, ему пришлось долго идти по горным тропинкам, сначала вверх, а потом вниз. Тропинки много раз разветвлялись, но Порфирий без колебаний сворачивал именно на ту, которую надо, и, в конце концов, вышел к этому селу. Оно располагалось недалеко от моря. Море в этом месте образовывало удобную бухту, в которой лодки и корабли находили своё пристанище.

Как только Порфирий появился на улице села, его сразу заметили мальчишки. Его голый вид произвёл на них впечатление. Сначала они удивлённо раскрыли рты, но потом с криком побежали по селу. Они кричали, что Бог сошёл с гор. Пока Порфирий дошёл до середины села, вокруг него уже образовалась толпа любопытных мальчишек и девчонок. Однако, близко подойти к нему они побаивались. Порфирий шёл и улыбался. Повстречав на пути старую женщину, Порфирий ласково пожелал ей здоровья. Она ответила ему тем же.

Тем временем со стороны моря на село надвинулась огромная чёрная туча. Подул сильный ветер, начался дождь. На море появился шторм. Волны набегали на берег и с грохотом обрушивали водяные валы. Ветер был такой силы, что начали падать телеграфные столбы. Порфирий понял, что от него требуется. Он спустился на берег, прошёл по каменному пляжу и вошёл в море, прямо в набегавшую волну, которая хотела выбросить его на берег, но Порфирий нырнул под неё и погрузился в море.

Мальчишки на берегу наблюдали борьбу человека с морем. Как только Порфирий исчез под водой, шторм прекратился, ветер утих, туча исчезла и засияло солнце.

Это Бог! – выдохнули мальчишки.

Порфирий шёл по дну и с интересом наблюдал подводную жизнь. Дно было устлано большими камнями, и Порфирий плавно прыгал с одного на другой. Камни обросли водорослями, и они мягко обволакивали босые ноги Порфирия. Рыбы уплывали от Порфирия на почтительное расстояние. Наконец, Порфирий дошёл до песчаного дна. Он ступил на песок. Здесь растительность была пореже, но зато всюду ползали крабы и морские звёзды. Порфирий наклонился и взял одного краба в руку. Краб замахал своими клешнями и выпучил на Порфирия свои глазки. Порфирий отпустил краба и тот быстро убежал и спрятался под камень. Солнце просвечивало воду, но та ещё была мутновата после шторма. Порфирий пошёл дальше.

А в это время на берегу началась суматоха. Мальчишки сбегали за взрослыми и кричали, что человек вошёл в море и не показывается. Наверно утонул! Мужики недолго думая сели в лодки и поплыли, они были рыбаками и знали свою бухту, как пять пальцев. Отплыли от берега на приличное расстояние и раскинули сеть.

А Порфирий в это время наблюдал за морской звездой. Ему было интересно – каким образом она перемещается. Это так увлекло его, что он не заметил, как попался в сеть рыбакам. Он хотел избавиться от неё, но не тут-то было. Рыбаки были опытные – они потащили Порфирия наверх. Порфирий перестал сопротивляться и дал рыбакам вытащить себя на берег.

Мальчишки и народ окружили Порфирия, думая, что он утонул. Рыбаки освободили его от сети и тогда Порфирий открыл глаза и встал. Все сначала в ужасе отпрянули от него, но потом, видя, что он живой и улыбается, кинулись к нему и начали обнимать. Мальчишки кричали:

– Это Бог! Это Бог!

Подошедшие старики предложили Порфирию пойти с ними и рассказать его историю. Он согласился. Его привели к одному дому. Там, прямо во дворе, уже сутились женщины – накрывали стол. Порфирия усадили на почётное место и стали угощать вином, но Порфирий отказался, попросив просто виноградного сока. Ему дали сока, накормили и стали ждать его рассказа. Порфирий поблагодарил радушных сельчан и начал свой рассказ.

Утром около дома, где ночевал Порфирий, уже стояла толпа людей, ждавших его пробуждения. Порфирий понял, что это больные, которые хотят, чтобы он их принял. Целый день к нему шли люди, и он всех их принимал и давал советы – как быть здоровыми.

На следующее утро он пошёл обратно в горы, надо было возвращаться. И всю дорогу до самых гор, за ним бежали мальчишки и кричали:

Бог, Бог – приходи ещё!

Порфирий шёл и улыбался с чувством выполненного долга. Он сделал то, что должен был сделать.

Злоключения

Я обратился со своим письмом к секретарю Кировоградской области – он распорядитель, чтобы он в моей идее помог. Люди прослышали про такого Учителя. Мне люди пишут со всех сторон письма, создают очередь не десятками, а сотнями для того, чтобы я по их просьбе приехал и не как врач или знахарь.

От моего эксперимента человек делается здоровым, делается из нетрудоспособного в трудоспособного. Здесь деньги не надо, нужна истина – верить своей душе, сердцу.

11 марта 1963 года я поехал туда, где меня знают, как Учителя – это Бобринский район Кировоградской области. Туда врачи приезжали, проверяли меня, я с ними делился своим опытом практическим на людях.

Я от людей не отвернулся и не огородился неправдою. Учитель не выбирает людей – у него учение одно перед всеми. Меня люди просили и умоляли, чтобы я их принимал. Они стояли кучечкою, слушали меня. Я им вроде лекции прочитал, чтобы они знали, кто их и для чего принимал.

Я напрасно их принял: в результате всего этого вышли меня судить эти люди. Меня схватили блюстители милиции и в психприёмник в Знаменке в воши бросили.

В Знаменку, в КПЗ, приезжает ко мне начальник Бобринецкой районной милиции, прокурор области Скрипка и областной начальник, генерал милиции – трое их. Они решили посадить меня, их была такая воля над моим телом.

Я попадаю в Кировоградскую тюрьму, меня встречают, как больного человека. Они окружили меня политическим режимом. Мне маленькая есть льгота в режиме, я с врачами в дружбе, но в тюрьме есть экспертиза – она находится в Одессе, при институте есть изолятор №14.

Я туда конвоировался через одесскую тюрьму, где меня побрили, постригли и передали меня на переделку врачу Алле Павловне Криницкой – заведующей 14-м отделением совсем не гражданской больницы.

Оно отдельно окружено милицией, и не допускается никто, кроме самого профессора – он же директор института. Алла Павловна в своей больнице со своим умным персоналом продержала меня 35 дней как здорового человека, одна из всех признала и сказала, что я – здоровый человек. Я этим словам не знал, как был рад, я и не был больной.

Ей хотелось мою личность осудить – сделать меня фокусником, тунеядцем. Она меня одела, она меня обула, она всех опровергла, сказала: «Их определение неправильное – правильное моё». А закалку мою выбросила. Она говорит: «Я посылаю на суд здорового человека, и пусть он доказывает на суде: то ли он закалён, то ли нет».

Меня люди хотели убить – они организованно поставили этот вопрос в жизни. Следователь сказал: «Доказывай суду – твоё будет право».

Суд состоялся в Бобринцах 9 августа 1963 года. Я от адвоката получил предупреждение, чтобы на суде не говорить, так и получилось. Я на вопросы прокурора старался не отвечать. Я их своим молчанием заставил направить меня в Москву, в институт им. Сербского. Без учёных это дело не обошлось.

Я не боялся ехать к учёным. Я своею идеей борюсь с Природой для всего земного человечества – это международное здоровье.

Меня этапом через Харьков, через тюрьму повезли. Меня не одевали, меня не прятали, я каким был, таким остался. Еду я конвоем в Москву через Бутырку. Я не даром такое вот дело переживаю, такую историю мне не забыть. За что мытарства по мукам?

Меня во второй раз принимает этот институт. Итак, они меня уже знали по истории. Там люди, профессора, с моим нездоровьем встретились, они мне помогли от своего диагноза

не отказаться. Я перед ними выступал – об истине говорил, я это проходил, говорил, как анализатор этого дела.

Я им доказываю одно это, а они – своё, я им говорю «белое», а они «чёрное», они говорят «белое». Сюда людей напрасно не привозят, с ними занимаются учёные не напрасно: это их продукт – они принимали, они и отпускали. Мне сказали: «Поживёшь два годочка да подлечишься, а потом выйдешь». Я понял, что они как считали, так и считают меня больным.

Природа гнала меня дальше, она меня хранила везде и всюду. Меня стали готовить к переброске в республиканскую больницу. Чего я боялся – меня эта дорога и окружила. 16 февраля 1965 года меня отправили в это условие для изучения.

В Бутырке ж дали путёвку в Казань. Я был очень крепко этим взволнован, я ждал слова: куда попаду, то ли в республиканскую, то ли в местную. А делали всё по-тюремному: скрыто от обиженного лица, я был людьми обижен.

Меня спускают в Казань, меня туда везли принудительно, с проводником. Еду конвоем в вагоне заключённых – этого я от учёных не ожидал, чтобы они по моей болезни и моего дела в казанскую больницу отправили.

К психиатрам я приехал свердловским поездом. На дворе мороз, ниже нуля 30 градусов. Конвой казанской системы не берёт моё тело. Я сказал конвою: «Бери, не бойся! Не подведу я вас». Как же им не испугаться, ужас был перед конвоем.

В Казани есть такая больница психиатрическая, специальная, она возглавляется врачом Анной Ивановной Балашовой. В ней одиннадцать отделений.

В больнице меня обслуга такого признала – и на переделку: стричь, брить, купать. А медсестра – маленькая, рябенькая лицом – прибегает, кричит: «Стойте, ребята, не стригите, не брейте!» Тут же я понял, что мне есть какие-то льготы по приказу врача.

Меня определили в первое отделение. Маргарита, врач мой лечащий, она испытательница с моим здоровьем. Если бы она не позволила в своём отделении писать, я б не писал, а то я ей за своё любимое здоровое сердце и «Победа моя» написал.

Эта вот история, она мною сделана, чтобы люди видели и старались опознать, а она рождённая Природой через человекову Мысль. Этого человека, о ком идёт речь между людьми, учёные знают, но они молчат. Он сам лично написал, кто он есть, – он обдуманно своими словами рассказал людям про свою победу.

В психушке (продолжение)

О природе и народе. О смерти и бессмертии. Про Библию. О Вере

Ф. Сегодня уже третьи сутки, как мы с вами Порфирий Корнеевич, не потребляем пищи.

П. К. И как ты себя чувствуешь, Философ?

Ф. Вы знаете, когда мы с вами воздерживались от пищи по одному дню – это было сначала тяжело, а потом я привык и даже ждал субботы, чтобы отдохнуть от этой баланды, которой нас кормят. И вот вы предложили не кушать четверо суток... Сначала я испугался, но потом решил, что раз вы уверены в результате, то надо попробовать. Один день прошёл привычно, потом, в конце второго дня, очень захотелось что-нибудь кинуть в рот, но я это искушение преодолел. И вот на третьи сутки я ощутил удивительную лёгкость во всём теле, в мыслях. Наступило как бы просветление. Захотелось даже стихи написать или музыку сочинить, но пока не сложилось. И вы знаете, мне даже показалось, что Никитич, наш санитар, не такой уж и злой и даже немного жалкий. Я сегодня с ним поздоровался и он, вы знаете, мне ответил и улыбнулся! Я ещё не говорю, что мне в этом состоянии комфортно и легко, нет – пока трудно, но терплю и надеюсь, что получится.

П. К. Полегчает, обязательно полегчает. Мы с тобой, Философ, ещё и летать вместе будем.

Ф. Я вот тут на досуге делал кое-какие записи ваших слов и мне немного не понятно вот что – сначала вы говорите, что Природа – это народ, общество, потом, что у Природы есть вода, воздух и земля. А при чём здесь народ?

П. К. Так всё же едино. Ты, Философ, не скажешь, что человек – это голова. А где же руки, ноги? В человеке всё едино, так же и в природе – и человек, и вода, и воздух, и земля – это единое тело. Беда-то как раз в том, что человек отделился от этого тела и хочет быть обособленно. А попробуй изолируй свою руку от тела. Что получится? Отсохнет рука! Так и человек болеет и умирает, отделённый от общего тела Природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.